НАРОДНАЯ КНИГА ПАМЯТИ

БЛОКАДА

300 судеб
300 реальных историй

Коллектив авторов

Блокада Ленинграда. Народная книга памяти

«Издательство АСТ»

2014

Коллектив авторов

Блокада Ленинграда. Народная книга памяти / Коллектив авторов — «Издательство АСТ», 2014

Перед вами судьбы людей, переживших блокаду Ленинграда. Это их история, которую они не смогут забыть никогда. Голод, смерть, отчаянное противостояние, беспрецедентное мужество и борьба за мир – их правда, их выстраданная реальность. Как стояли в очередях за хлебом, как спасались от бомбежек, а потом, доверившись судьбе, перестали, как работали и умирали для победы, как делились с близкими корочкой хлеба, как теряли родных… Мы и последующие поколения должны знать, какое страшное лицо бывает у войны. Ведь забытая история, увы, имеет особенность повторяться.

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Предисловие 6
Августович (Чурина) Людмила Николаевна 8
Аксенова Тамара Романовна 9
Алаева Лидия Павловна 11
Алиева Валентина Васильевна 12
Александрова Маргарита Борисовна 13
Алексеева А. В. 14
Алешин Евгений Васильевич 17
Алёхина Антонина Павловна 21
Амосова Галина Михайловна 22
Андрияшина Ольга Владимировна 23
Аншелес Ирина Иосифовна 24
Айзин Маргарита Владимировна 26
Артеменюк Людмила Владимировна 29
Артюхевич Галина Александровна 30
Аспенников Александр Тихонович 32
Бабуркина Галина Александровна (Бойкова) 33
Багадыров Урунбек 34
Базилевич Валентина Григорьевна 35
Балицкая Ирина Михайловна 36
Баранов Юрий Леонидович 37
Бардышева Галина Викторовна 39
Батова Зинаида Ивановна 41
Батенина (Ларина) Октябрина Константиновна 42
Беляева Валентина Владимировна 46
Блат Зинаида Моисеевна 47
Блюмина Галина Евгеньевна 48
Богатырев Николай Федорович 51
Богданов Юрий Иванович 52
Бок Екатерина Андреевна 53
Болдырева Александра Васильевна 54
Бордюкова Светлана Владимировна (Кромачева) 55
Бриллиантова Ольга Николаевна 56
Бубненкова Александра Тимофеевна 58
Бубнов Григорий Михайлович 59
Буй Ольга Павловна 60
Букуев Владимир Иванович 61
Бураков Леонид Митрофанович 65
Булацель Геннадий Сергеевич 66
Булина Ирина Георгиевна 68
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Блокада Ленинграда
Народная книга памяти

Все права принадлежат МТРК «Мир»

В данной книге изданы материалы, собранные в рамках проекта Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» «Блокаде.нет»

Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» выражает большую благодарность за помощь в организации сбора воспоминаний: Общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» (г. Санкт-Петербург) в лице председателя *Скрипачевой Ирины Борисовны*;

Российской общественной организации «Ленинградский Союз „Дети блокады 900“» (г. Санкт-Петербург) в лице президента *Кокряковой Галины Васильевны* и лично членам организации *Годиной Светлане Яковлевне* и *Луговой Ольге Сергеевне*;

Региональной общественной организации воспитанников детских домов Блокадного Ленинграда (г. Санкт-Петербург) в лице председателя *Фадеевой Нины Владимировны*;

Общественной организации «Московская организация ветеранов– блокадников» в лице председателя *Астафьева Олега Африкановича* и лично члену Совета организации *Моисеенко Татьяне Аркадьевне*;

Алтайской краевой общественной организации «Жители Блокадного Ленинграда» в лице председателя *Ерыгиной Светланы Михайловны*;

Симферопольскому городскому обществу «Жители блокадного города-героя Ленинграда» в лице председателя *Кундобы Ирины Александровны*;

Севастопольской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» в лице председателя *Ивановой Галины Александровны*;

Творческому Союзу «Севастопольский фотосалон» в лице руководителя *Желток Светланы Александровны*

Принято считать, что Россия – страна с непредсказуемой историей. В этой иронической метафоре есть большая доля правды. Потому что в этой большой Истории на цепочки фактов часто накладываются мнения специалистов и интерпретации ученых.

Эта книга – попытка создать Историю великой русской трагедии через сотни историй жизни тех, кто пережил блокаду. Как любые истории, которые подразумевают под собой описания и факты из жизни простых людей, они не претендуют на объективность. Для авторов данной книги блокада – это хроника жизни и смерти. Это дневники тех, кому посчастливилось выжить, и тех, кому пришлось умереть. Ради нее. Ради Победы.

Председатель Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» Радик Батыршин

Предисловие

Я необыкновенно горд тем, что мне поручена такая почетная миссия – выступить со своеобразным предисловием к этой книге, потому что для меня это очень важное личное событие.

Как журналисту мне очень много приходится ездить по разным городам и у нас, и за рубежом, и не так давно в одной очень благополучной западной стране, которая, по большому счету, не участвовала в войне, но теперь является своего рода центром Евросоюза, случилась одна дискуссия на военную тему. Представитель журналистского цеха этой самой замечательной страны с досадой сказал:

– Почему вы все время так эмоционально вспоминаете войну и сколько вы будете на эту тему спекулировать в нашей нынешней действительности двадцать первого века?

Меня это страшно поразило… а он добавляет: «Это же все уже история». И я тогда ему ответил, что это для вас история, а для нас это никакая еще не история, потому что все, что происходило тогда, это то, что происходило с моей семьей и еще с теми, кто не ушли, с теми, кто жив.

В моей семье блокада, вообще война, значит очень много, поскольку у меня оба деда воевали, и воевали очень круто, начали войну лейтенантами, закончили подполковниками, они, может быть, не были какими-то супергероями Советского Союза, но у них по три ордена и по три боевых медали за войну, и всю войну на фронте – с лейтенанта до подполковника, и остались живы. Один был артиллерист – Константинов Павел Игнатьевич, чью фамилию я использую как псевдоним, а Баконин Виктор Дмитриевич был связистом.

У моих дедов – и Сталинград, и Курская битва… А Константинов Павел Игнатьевич просто участвовал в прорыве блокады, и он точно при этом не знал, что с семьей… А семью эвакуировали на Алтай в Бийск – моя мама и мой дядя Сережа чудом остались живы – их вывозили по Дороге жизни, и машина, которая шла перед ними, погибла, потому что был налет авиационный…

Я не могу сказать, что в моей семье много говорят о блокаде, поскольку это страшные воспоминания. Но все то, что говорится, запоминается мгновенно. Я помню с детства страшный рассказ мамы о том, что, когда в сорок втором стало совсем голодно, страшно… она с голодухи маленького дядю Сережу укусила за пальчик… А он – типичный блокадный ребенок, потому что родился уже в блокадном Ленинграде, когда немцы замкнули кольцо, и в сентябре сорок первого он и родился, а в сорок втором мама… И хотя она сама была совсем маленькая, она в тридцать девятом году летом родилась. Моя бабушка, когда еще была жива – Ольга Константиновна, – рассказывала, как мама маленькая, не могла еще толком выговаривать, и она кричала не «тревога!», а «туога, туога!»… Чудом моя бабушка умудрилась выжить с двумя маленькими детьми, когда они эвакуировались на Алтай. А маленькая мама на всю жизнь запомнила, как она укусила своего братика за палец. Вроде бы ничего такого нет в этой истории, но она передает весь ужас и все то настоящее страшное, что было в те дни.

А еще мама запомнила, как умирала бабушка, моя прабабка, и запомнила, как в последний раз пришел с работы дедушка – мой прадед. Бабушка умирала уже в поезде, когда везли в Бийск, а дедушка умер на работе. Он был очень интересным человеком – ведущим конструктором Охтинского химкомбината, одним из тех, кто создавал этот комбинат, еще до революции получил звание почетного потомственного гражданина за создание пороховых смесей.

Прадед был уже совсем стареньким, мать запомнила, как однажды он пришел, принес кулечек какой-то еды, а потом вернулся на завод и не смог уже уйти домой, просто умер на рабочем месте от голода. Ему было семьдесят два года. И бабушка всегда говорил моей маме – ты должна помнить, чья ты внучка.

У меня близких родственников блокаду прошли, а в основном не прошли – восемнадцать человек. А из восьми моих прадедушек и прабабушек в блокаду умерло шесть. А двое не умерли в блокаду только потому, что одна прабабушка умерла от тифа еще в Гражданскую… а прадед, который остался жив, он вообще был не в Питере.

В основном умирали на работе, двоюродный брат моего отца умер не на рабочем месте, потому что ему было семь лет, он от голода умер…

Наверное, больше рассказывать тут нечего. Я могу, конечно, перечислять всех своих замечательных родственников, но это может почти каждый ленинградец…

Помню как мать с трогательным умилением восприняла новость о том, что поставили, наконец, памятник детям войны. Потому что это особая история. Они, конечно, на фронте не уничтожали немцев, но пережить то, что им выпало пережить…

Тот журналист из спокойной европейской страны, который мне в командировке сказал такие слова… он, наверное, читал что-нибудь о блокаде, но понимать – он не понимает. А у нас в семье понимают, поэтому у нас обязательно девятого мая все – и я, и брат, и наши дети… мы ходим девятого мая на Пискаревку на один из рвов сорок второго года – мы разные их выбираем, потому что мы не знаем, где именно похоронены наши, знаем, что многие – на Пискаревке и в сорок втором году… И мы бросаем сломанные гвоздики, выливаем немножко водки из фляжки, кладем хлеб, потому что мы их помним и мы ими гордимся.

Это очень светлая и важная гордость, потому что все равно семья уцелела – не под корень вырубило – прошла это страшное испытание, прошла достойно, значит, потомки тех, кто выжил и тех, кто погиб, обязаны эту память хранить. Это не пафосные слова, повторю, любой, у кого в семье это было, он это разделит…

Я беседовал с губернатором нашего города – Георгием Сергеевичем Полтавченко – об этой книге. Он попросил найти какие-то правильные слова, потому что его мама тоже была блокадницей, и он тоже ею очень гордится.

Я не знаю, будет ли эта книга иметь коммерческий успех, но думаю, что она издается не поэтому. Есть вещи, в которых совсем не важна коммерция. И если мы хотим оставаться людьми, и если мы хотим оставаться людьми одухотворенными, если мы хотим, чтобы нас уважали, соответственно мы должны уважать и себя, и своих предков, и память о таких невероятных событиях мировой истории – единичных, таких было очень мало, таких, как питерская блокада.

Воспоминания блокадников могут быть в разной степени интересными, в них может не быть приключений, без которых мало что интересует в текстах современную молодежь. Но они очень важны для того, чтобы мы оставались людьми. Эти горькие страницы обязательно нужно читать. Лекарство, оно необязательно должно нравиться. Лекарство может быть горьким, некомфортным, неприятным, но лекарства существуют для того, чтобы люди оставались здоровыми. В физическом, и самое главное, в нравственном смысле. Поэтому я очень горд, что у меня была возможность сказать такие, может быть, немножко корявые, но самые искренние слова.

Андрей Константинов

Августович (Чурина) Людмила Николаевна
До войны мы жили хорошо

Я, Августович Людмила Николаевна (Чурина), родилась в Ленинграде 31 марта 1937 года. Когда началась война, мне было 4 года.

Жили мы с мамой и бабушкой на улице Рузовская, дом 33, кв. 10. Мама работала на заводе – делала снаряды, а папа был на войне.

Я какое-то время ходила в садик на углу Серпуховской улицы. Меня хотели эвакуировать, но я заболела коклюшем и осталась на все время блокады в Ленинграде.

Когда из садика меня отправили на лето на станцию Бернгардовка – мама привезла мне туда лепешек из одуванчиков, и я чуть не умерла, еле спасли, как сказали потом маме.

Помню, как мы с мамой на санках ездили за водой и брали ее из Обводного канала.

В наш дом на улице Рузовской попала бомба, и нас выселили в подвал-бомбоубежище, где мы с бабушкой лежали, так как у нас от голода отказали ноги.

Из подвала на улице Рузовской нас переселили на улицу Бронницкая, дом 10, кв. 20 (1-й этаж во дворе-колодце).

Помню, когда я гуляла на улице, как везде народ кричал и радовался, говорили, что выступал Калинин и что сняли блокаду Ленинграда. Это было 27 января 1944 года.

На радостях моя бабушка испекла круглый хлебец из картофельных очисток. К сожалению, я не уточняла, где она взяла очистки, но до сих пор помню.

Помню, как мама с бабушкой везли меня на санках и уронили и не заметили. Я до сих пор вспоминаю с ужасом, как я лежала на снегу, не могла ни кричать, ни двигаться, но, слава Богу, они заметили, что уронили меня, и вернулись. Помню даже место и улицу, где это было.

Видела, как горели дома, как на саночках везли умерших.

До войны мы жили хорошо, так как мама работала, а папа мой – морской офицер, и у нас было все необходимое для жизни, а после войны остался только кованый, обитый железом бабушкин сундук, но хорошо хоть сами остались живы, хотя у всех была дистрофия.

Моя мама награждена медалью «За оборону Ленинграда», папа умер в 1946 году после всех ранений и болезней.

Аксенова Тамара Романовна
Ни одной жалобы, недовольства, малодушия – только надежда

Война началась внезапно, на второй день после выпускного вечера. Все сразу изменилось, стало тревожным, людей интересовали только фронтовые сводки. Началась мобилизация. Правительство предоставляло возможность эвакуироваться, но этим воспользовались не все: люди надеялись, что враг не дойдет до города.

В июле – августе ленинградцев стали направлять на оборонительные работы. От нашего дома поехали я и еще две женщины. Мы рыли противотанковые рвы. Жили в огромном бараке, где нам отвели на троих небольшой квадрат земли. Немцы обстреливали с самолетов и наш барак, и нас во время работы.

Фронт приближался, вскоре наши войска подошли к нам. Нам приказано было возвращаться домой. Мы шли пешком к первой станции по дороге через лес. По одной стороне идем мы – цепочкой по десять человек с интервалами, по другой навстречу идут солдаты – прямо в бой. Обувь пришлось снять, так как ноги распухли, шли в чулках. Иногда звучала команда отдыхать, и мы просто падали в мокрую от ночной росы траву. Но земля снова начинала качаться от разрывов снарядов, нас поднимали, и мы шли дальше.

Первую станцию на пути уже взяли немцы, пришлось идти к следующей. Наконец, дошли до станции Рауту, где нас спешно погрузили в вагоны. Люди в вагонах стояли вплотную друг к другу. Женщины теряли сознание, но упасть не могли. Так и стояли, бледные, с закрытыми глазами, зажатые телами других людей.

И вот Ленинград. Хмурый, совсем военный. Но трамваи еще ходили, и мы доехали на свою Выборгскую сторону.

10 сентября я решила поступать в университет. Поступила. Начались занятия. Блокада, бомбежки, обстрелы. Хлеба все меньше. Перебралась от мачехи (отец был на фронте) к тете, которая жила в центре, у Главпочтамта. Муж и старший сын моей тети умерли от голода. Младший сын умер в госпитале.

Когда в марте 1942 года наш факультет эвакуировался в Саратов – я осталась с тетей в Ленинграде. Поступила работать в почтовое отделение на Васильевском острове.

Страшная выдалась зима. В комнате (к тому времени дом тети разбомбили немцы, и мы жили в комнате эвакуированных) нет ни одного стекла, окна забиты фанерой. В подвале дома капает вода, за водой стоит очередь. Люди делятся фронтовыми новостями. Поразительно: ни одной жалобы, недовольства, малодушия – только надежда. Вера и надежда на то, что прорвут блокаду, что дождемся, что доживем.

Чувства стали тупыми. Я иду через мост, впереди медленно, шатаясь идет высокий мужчина. Шаг, другой – и он падает. Я тупо прохожу мимо него, мертвого, – мне все равно. Я вхожу в свой подъезд, но подняться по лестнице не могу. Тогда беру двумя руками одну ногу и ставлю на ступеньку, а затем – вторую ногу на следующую ступеньку… Тетя открывает дверь и тихо спрашивает: «Дошла?» Я отвечаю: «Дошла».

А потом весна. Из подтаявших сугробов торчат ноги мертвецов, город замерз в нечистотах. Мы выходили на очистительные работы. Лом трудно поднимать, трудно скалывать лед. Но мы чистили дворы и улицы, и весной город засиял чистотой.

Весна. Можно есть листья деревьев. Мы проворачиваем их через мясорубку и лепим лепешки. У нас пухнут животы.

Пришло время, когда я почувствовала, что сил уже больше нет. Ну день, ну два… и я лягу, как ложились все блокадники перед смертью. Меня вывезли через Ладожское озеро. Я попала в Уфу к своей эвакуированной из Москвы тете. Она откормила меня. Я осталась жива…

После эвакуации вместе с тетей я приехала в Москву, а в 1945 году – в Севастополь. В 1946 году вышла замуж.

Алаева Лидия Павловна
По ошибке причислили к мертвым

Лейтенант запаса. Защитник Ленинграда. Ударник восстановления Севастополя, исследователь его истории.

Когда началась война, Лидия Павловна была студенткой. С первых же дней она участвовала в строительстве оборонительных сооружений. Голодала, как все. Когда силы кончились, то она оказалась в тяжелом состоянии, слегла. **По ошибке ее причислили к мертвым и вместе с трупами отправили на платформе к дальней окраине Ленинграда – месту массовых захоронений. Только случайность спасла ее за несколько минут до захоронения.** Она застонала, ее услышали, вытащили из кучи трупов и отправили в госпиталь. А дальше – опять на защиту родного Ленинграда.

Алиева Валентина Васильевна
Люди шли по улице, падали и умирали

Когда началась война, мне было 12 лет, я все хорошо помню. 8 сентября немцы подошли вплотную к Ленинграду, началась блокада. Во-первых, конечно, начался голод, особенно зимой. Зимой давали по 125 грамм хлеба в день и ничего больше. Шли непрерывные бомбежки – все ночи напролет, днем немножко меньше, а ночью – непрерывно. Одни самолеты прилетали, сбрасывали бомбы, затем прилетали другие и снова бомбили. Мы не успевали даже спускаться в бомбоубежище. Только спустимся – дают отбой, поднимаемся в квартиру – новая тревога. Ночью даже не могли спать. Потом привыкли и перестали спускаться в бомбоубежище. Обстреливали и из дальнобойных орудий, так как немцы были прямо на окраине Ленинграда.

Не было электричества, не было тепла, не было воды, за ней ходили на Неву. Было очень страшно. Люди умирали ежедневно, особенно зимой. Погибали от обстрелов, бомбежек, от голода… трупы лежали на улицах, и некому было их убрать. Люди шли по улице, падали и умирали. Не дай Бог никому такое пережить. Я хочу, чтобы молодежь знала нашу историю и делала все, чтобы такое не повторилось.

Александрова Маргарита Борисовна
Помню постоянный голод и бомбежки

Родилась в 1935 году.

В блокаду я ходила в детский сад на Каменном острове. Там же работала моя мама. Помню, как в сад поступил умирающий от голода младенец. Чтобы его спасти, мы заворачивали в марлю кусочек хлеба, получалась соска, и так кормили его. Выкормили, ребенок выжил.

Помню постоянный голод и бомбежки. Однажды один из ребят рассказал другу свою заветную мечту – это бочка с супом. Мама услышала и отвела его на кухню, попросив повариху придумать что-нибудь. Повариха разрыдалась и сказала маме: «Не води сюда больше никого… еды совсем не осталось. В кастрюле одна вода». От голода умерли многие дети в нашем саду – из 35 нас осталось только 11.

Алексеева А. В.
Вшей было больше, чем волос

Когда началась война, мне не было еще и 13 лет, я только окончила 5 классов школы № 23 на Петроградской стороне, которая находилась на улице Олега Кошевого. Меня и моего брата эвакуировали вместе со школой на Урал. Но привезли нас в город Боровичи, совсем недалеко от Ленинграда. В Ленинграде осталась мама с шестимесячным братом и папа, который был закреплен за заводом им. Сталина. Он недоумевал, почему мы вместо Урала находились в Боровичах.

Через несколько дней, после того как нас эвакуировали, мама поехала на Урал, поскольку с маленьким ребенком ей было практически невозможно оставаться в Ленинграде. На Урал отвезли двоих старших детей, их адресов мама не знала, поэтому она сошла во Владимире, где жила ее старшая сестра. Так в Ленинграде остался один папа.

Вскоре по радио объявили, чтобы родители забрали детей, которых эвакуировали в Боровичи, иначе они попадут к немцам. Папа нас забрал.

Началась блокада. Днем он был на заводе, а я на чердаке дома № 33 по Большому проспекту, тушила зажигательные бомбы и отоваривала карточки. Братишка из капризного своенравного мальчика превратился в тихого и печального ребенка. Он сидел дома, и мне было очень жалко его. Я чувствовала, что ничем не могу ему помочь. Выехать уже было невозможно, а главное, не с кем. Куда я только не ходила: и в поликлинику, и в больницу, – но мне везде отказывали.

В начале зимы начался страшный голод. На моих глазах днем от голода умер братик, а той же ночью папа. У меня к тому моменту были отморожены руки и ноги. Мамы с нами не было, и позаботиться о нас было некому, еды не было совсем.

Утром пришла соседка тетя Настя и сказала, что одна я не выживу, и что меня лучше отвести в ближайшую больницу, а она возьмет три мои карточки на хлеб. Я согласилась. Благодаря ей я осталась жива. У нее тоже был сын лет шести. Тетя Настя одела меня с большим трудом, поскольку практически ничего мне на ноги не налезало, и привела меня в больницу. Там ей сказали, что мест нет, но, после того как я попыталась встать и тут же упала, меня поместили в палату, куда предварительно поставили раскладушку.

Наверное, я была первым блокадным ребенком, который попал в эту больницу. Там лежали больные дети еще с мирного времени, у них были проблемы с сердцем, почками. **Когда нянечка начала меня раздевать и сняла мою шапку, она ужаснулась – вшей у меня было больше, чем волос. Был не только голод, но и холод, поэтому шапку я не снимала где-то полгода. В те времена вода была в виде льда, поэтому помыть голову я не могла. Меня побрили наголо.**

У меня была страшная дистрофия, и врач прописал мне 3 грамма сливочного масла в день и питание как у остальных детей. Но из-за голода мой организм уже ничего не усваивал, и бедным нянечкам приходилось постоянно менять за мной белье. У меня до сих пор очень трепетное отношение к врачам, я считаю эту профессию наиболее нужной и важной в жизни.

Еще помню, как скрывала свою бессонницу, которая продолжалась целый месяц. Слава Богу, что сейчас я сплю хорошо, а тогда думала, что это навсегда. Я очень полюбила больницу и врачей на Песочной набережной и горько плакала, когда узнала, что меня переводят в другую. У меня были сильно отморожены ноги, а там, как утверждали врачи, лучше знали, как лечить обморожения. В ту больницу меня, как грудного ребенка, перевозили в конвертике из одеяла.

Как только я попала в новую палату, то сразу поняла, что там лежат дети блокады. Палата была примерно человек на 100. Кровати были железные и сдвинуты по две. Дети лежали поперек, чтобы больше уместилось.

Возраст был от 6 до 8 лет, и у всех один диагноз – цинга. На детей было невозможно смотреть, стоило им открыть рот, как сразу лилась кровь, выпадали зубы. Все эти дети были такими же дистрофиками, как и я. У них были пролежни, кости кровоточили. Это было ужасно.

В этой палате я пробыла не более трех дней. После чего меня перевели в палату, где лежали дети с обморожением рук и ног. Палата была не такая темная, как предыдущая, но кровати были также сдвинуты, и были узкие проходы, чтобы мы могли сползти на горшок. Мы не могли даже сидеть, когда нам приносили еду.

На моем жизненном пути в дни блокады встретился только один плохой человек – это была медсестра из палаты для обмороженных. Когда она приносила хлеб, намазанный маслом, она ставила поднос на окно, прикрывалась дверью и начинала ножом смазывать себе масло, а то и вовсе отрезала весь верх куска. Но самое главное, что она вообще не давала нам воды. Напротив меня лежал мальчик, его звали Эдик. Он так хотел пить, что умолял поменяться с ним на еду. Помню, за стакан чая он отдавал мне лапшу. Я, чтобы растянуть удовольствие, складывала ее в чемоданчик и скрытно ела. Вскоре Эдик умер от истощения. Врач, узнав, что медсестра не дает нам воды, сказал, чтобы сегодня же была отварная вода, иначе ее уволят.

Все, кто мог, в моей палате каждое утро приползали к окну и наблюдали, как приезжают грузовые машины, и в них загружают детские трупы. Прямо из нашего окна был виден морг.

Потом меня перевели в другую палату, поскольку нога сильно кровоточила. В новой палате мне подвязали ее к потолку, так я пролежала несколько месяцев.

Еще один пример, насколько совестливо к нам относились врачи. Мне лечили отмороженную ногу синей лампой. Когда рана затянулась, она перестала кровоточить, но почему-то на пальце появился нарост. Меня решили показать профессору. Сейчас мне трудно такое даже представить – вокруг массовый голод, идет война, а меня, какую-то девчонку, ведут показывать профессору. Женщина-профессор сказала, что меня неправильно лечат синим светом, прописала мазь и велела делать раз в неделю перевязку, предупредив, что это будет очень больно. Во время перевязки больно было не только мне, но и медсестре, поскольку вместе с бинтом ей приходилось отдирать наросшее мясо. Так врачи сохранили мне ноги. Несколько дней потом я ходила на костылях.

Когда я смогла передвигаться без костылей, из больницы меня отправили в детский дом, потому что из родных у меня никого не осталось. Хочу отметить, что до сих пор в Детской городской больнице им. К. А. Раухфуса дела поставлены очень хорошо. Мне нужно было получить блокадное удостоверение. Спустя 50 лет я пришла к главврачу, мне нашли мою медкарту, где значилось, что я страдала дистрофией и обморожением ног и пролежала около 8 месяцев.

При эвакуации нас погрузили в открытые машины и повезли к Ладоге. Нас подвезли к воде, а дальше уже переносили на руках прямиком в катера. Когда мы проснулись, то были приятно удивлены – на улице стояли деревянные столы, а на них глубокие тарелки с горячим супом, и рядом лежал хлеб. Мы не ели горячий суп года полтора, для нас это было экзотикой. Потом кто-то сказал, что на поле убрана не вся капуста. Мы, человек 200, разбежались по полю, нас еле оттащили, мы отбивались, как могли.

Потом подошел наш поезд, и мы поехали как можно дальше от блокады. Спасибо тем ответственным людям, которые решили эвакуировать детей. Нас везли в Алтайский край. Ехали туда мы около месяца, а может, и больше. Поезд был хороший, у каждого была своя полка.

Когда мы прибыли на Урал, в Свердловск, местные женщины организовали нам встречу. Я ее не забуду до конца своих дней. Как только поезд подошел к платформе, женщины с вед-

рами, в которых был суп, тарелками и ложками стали заходить в вагоны, разливать нам суп и раздавать хлеб. Они плакали, смотря на нас. Потом они раздали каждому по банке сгущенки и сделали в них дырочку, чтобы мы сразу могли сосать сгущенное молоко. Для нас это было что-то невероятное! На всем пути из Ленинграда на Алтай никто больше такого приема нам не оказывал.

Когда мы приехали в Алтайский край, нам показалось, что мы в сказке. Так для меня закончилась блокада.

Я мало написала об ужасах артобстрелов и бомбежек. О том, как днем и ночью мы бегали в бомбоубежище. Но все равно умереть от голода для нас было намного страшнее, чем от бомбежки.

Алешин Евгений Васильевич
Мы воевали самоотверженно!

В 13 лет награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Родился 1 сентября 1930 года. «Отличник здравоохранения СССР», «Заслуженный врач Украины», кандидат медицинских наук, полковник медицинской службы в отставке. Воспитанник детского дома № 17. Все 900 дней оставался в блокированном Ленинграде.

Героическая оборона Ленинграда явилась легендарным событием не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. В истории войн не было города, который бы в течение 900 дней в условиях голода и холода, бомбовых ударов и артиллерийских обстрелов прямой наводкой не только выдержал столь длительную осаду, но и победил, сдержав натиск почти одной трети фашистских армий. Участником такой обороны мне пришлось быть.

Когда началась война, мне еще не было одиннадцати лет. Прекрасно помню этот ясный солнечный день, воскресенье. На углу улицы Пестеля и Моховой из репродуктора услышали выступление В. М. Молотова. Наверное, я еще не смог оценить, насколько все страшно, но помню, что в душе поселилась тревога. Во дворе дома увидел шестилетнего двоюродного брата, который бегал с противогазом и кричал: «Ура! Мы победим!» Так мы были воспитаны с детства и в победе были уверены. Эта эйфория передалась и другим мальчишкам, и мы тотчас начали строить планы быстрой победы.

На фронт нас, мальчишек, естественно, никто не пустил, но взяли в отряд местной обороны. В свои 10 – 11 лет мы были достаточно политизированы и интересовались международной обстановкой. Я прекрасно помню войну с Финляндией, в результате которой граница, бывшая в 30 км от Ленинграда, отодвинулась далеко за Выборг. Город перестал быть приграничным.

Никто из нас не ожидал, что уже в первые дни немцы будут бомбить город и придется прятаться в подвалах и специально вырытых траншеях. Вначале было страшно. Свист бомб, взрывы и рушащиеся дома – все это вызывало ужас. Но очень скоро мы, мальчишки и девчонки, к этому привыкли и уже без страха дежурили по ночам на улицах и крышах домов. На чердаках гасили песком зажигательные бомбы, которые сбрасывали с самолетов не поштучно, а пачками. Бомбочки были маленькими, легкими, даже ребенок мог специальными щипцами захватить и сбросить их в безопасное место или забросать песком. Иначе, начиненная термитом, она прожигала насквозь перекрытия, вызывая сильные пожары.

Вспоминаю эпизод из фильма «Два бойца»: горит здание госпиталя. Этот факт я видел не в кино – горел госпиталь на Суворовском проспекте, недалеко от Смольного. Здание не было разрушено, но было все объято пламенем. Пожар вызвала зажигательная бомба. Из окон, завернувшись в матрасы и одеяла, выбрасываются раненые. Высокое пятиэтажное здание, построенное из серого гранита, стоит и сейчас – ничто его не сломило. Оно восстановлено, как и весь город. Но в 1941 году до этого было еще далеко. Тогда надо было готовиться к обороне.

Вместе со взрослыми я и дети моего возраста рыли окопы и противотанковые рвы на подступах к Ленинграду. Наверное, не один боец сказал нам за это спасибо. Но враг очень быстро подходил к городу и уже в сентябре окружил его плотным кольцом. Связь с Большой землей прекратилась. На Пулковских высотах, там, где сейчас аэропорт, немцы установили тяжелые дальнобойные пушки и систематически методично обстреливали город, который был перед ними как на ладони. Спасибо морякам кораблей, стоявших на Неве и в Кронштадтской базе, которые огнем своих орудий подавляли вражеские батареи и на время прекращали обстрел.

Гитлеровские войска были остановлены даже не на ближайших подступах, а в отдельных местах и в черте города. На фронт можно было ездить на трамвае. Фашистам не удалось взять Ленинград штурмом, и они перешли к длительной осаде и уничтожению города бомбовыми ударами и артиллерийскими обстрелами. К этому вскоре присоединился жесточайший голод. Становилось все труднее и труднее. Иссякло продовольствие. Город переходил на все более голодный паек. Ленинград был окружен еще одним – внешним – кольцом блокады, отвлекая на себя огромное количество немецких войск. Но город не сдавался.

Наступила самая тяжелая для ленинградцев зима 1941 – 42 годов, когда морозы достигали 40 градусов, а не было ни дров, ни угля. Съедено было все: и кожаные ремни, и подметки, в городе не осталось ни одной кошки или собаки, не говоря уже о голубях и воронах. Не было электричества, за водой голодные, истощенные люди ходили на Неву, падая и умирая по дороге. Трупы уже перестали убирать, их просто заносило снегом. Люди умирали дома целыми семьями, целыми квартирами.

Все питание для работающего на производстве человека составляли 250 граммов хлеба, выпеченного пополам с древесными и другими примесями и оттого тяжелого и такого маленького. Все остальные, в том числе и дети, получали 125 граммов такого хлеба. Не было сил ходить, но нельзя было и расслабиться – иначе смерть. Мы с мамой получали на двоих 250 граммов хлеба и больше ничего, кроме «чая» из талой воды. И, тем не менее, нельзя было ложиться и ничего не делать. Кто ложился, тот больше никогда не вставал.

Ребенком, опухшим от голода, пока были силы, я, как и мои сверстники, продолжал работать в отряде местной обороны: сбрасывал с крыш и тушил зажигательные бомбы, работал у станка, растачивая стволы для автоматов, патрулировал по ночному городу, собирал трупы на дорогах. И в эти дни думал: если удастся выжить, хорошо бы написать книгу о том, что пришлось пережить ленинградцам в дни блокады. Искренне благодарен А. Маковскому, В. Инбер, О. Берггольц – они увековечили подвиг ленинградцев.

Ольга Берггольц читала свои стихи жителям города по радио в перерывах между бомбежками и артобстрелами простуженным голосом, вселяющим бодрость, ненависть к оккупантам и веру в победу. Мне приходилось встречаться с ней и другими работниками радиокомитета, которые хоть как-то пытались скрасить тяжелую жизнь ленинградцев, приглашая в застывшие студии голодных, истощенных артистов театров, которые не ушли на фронт из-за тяжелых болезней. Здесь же давали концерты и мы – участники художественной самодеятельности.

Город жил не только борьбой, но и искусством. Знаменитая Ленинградская симфония Дмитрия Шостаковича, транслируемая из концертного зала Государственной филармонии, произвела «взрыв» в умах не только союзников, но и врагов. Войска ПВО тщательно подготовились к этому концерту: ни одному вражескому самолету не удалось в этот день прорваться к городу.

Работал и один театр – Театр музыкальной комедии. Спектакли проходили в Александринке, как любовно называли, да и сейчас называют ленинградцы театр имени А. С. Пушкина. Помню, был на спектакле «Давным-давно» («Гусарская баллада»). В холодном зале голодные актеры пели и танцевали, как в мирное время. Разве это не подвиг?

Но главным «театром» по-прежнему оставалась война. Немцы неистовствовали. Задачу, поставленную Гитлером – «сровнять город с землей», – они выполняли день и ночь. Но мы уже ничего не боялись – все притупил голод. Иногда казалось: «Все, больше нет сил, это конец!» Но, превозмогая и голод, и холод, я поднимался (мама уже не вставала), шел, с трудом передвигая ноги, за этим драгоценным кусочком хлеба. На что-то еще сил уже не хватало. Да и отряд самообороны стал редеть, постепенно умерли друзья-мальчишки. Из нашего двора я остался один.

Облегчение принесла Дорога жизни по льду Ладожского озера. Колонны машин прорывались сквозь бомбежки и обстрелы. Сколько их погибло, наверное, никто не скажет, но они спасли жизни тысячам ленинградцев. Тоненькой струйкой в Ленинград потекло продовольствие.

Весна 1942 года принесла много радостей, надежд и какое-то питание. Ели все, что только можно, любую траву. Крапива и лебеда считались деликатесом. Помню, ездили мы на места сгоревших продовольственных складов, в вещмешках привозили землю и съедали ее, пропитанную расплавленными после пожара продуктами.

Сейчас иногда заслуженные фронтовики высказывают сомнения в правильности приравнивания жителей блокадного Ленинграда к участникам боевых действий.

Напрасно вы, наши дорогие фронтовики, сомневаетесь. Ленинград был фронтом, и каждая улица была передовой позицией. Нас нещадно бомбили и обстреливали из орудий почти непрерывно. Мы гибли не только от бомб и снарядов, но и от страшного голода. Сегодня я, как врач, не сомневаюсь, что тяжелейший голод, дистрофия нанесли организму не меньшую травму, чем ранения. 800 тысяч из нас похоронено только на Пискаревском кладбище. А всего из трехмиллионного города к концу блокады осталось лишь около 900 тысяч. Ленинградская блокада сильно повлияла на психику людей, и отголоски этих расстройств сохраняются до сих пор. Нет! Мы воевали! И воевали самоотверженно, тем более что многие из нас к тому времени еще не достигли совершеннолетия.

Весна 1942 года принесла не только траву для «подножного» корма, но могла обернуться и страшной бедой. Под снегом сохранилось множество трупов, и это грозило массовой эпидемией. Весь город, изможденные голодом женщины, старики и дети совершили титанический труд – улицы были полностью очищены.

Но блокада продолжалась, и началась грандиозная подготовка к новой зиме. На топливо пошли все деревянные строения, каждый клочок земли был использован под огороды. Окрестных совхозов и деревень не было – там находились немцы. Там, где сейчас клумбы цветов, росли репа, морковь, картофель. Это был большой общественный огород, с которого, кстати, никто не воровал. Работали старики да дети. Нашей 160-й школе был выделен обширный участок под посадку картофеля. Неподалеку были воинские части, поэтому падали бомбы и снаряды и на нас.

Любую порученную работу мы выполняли честно, за что отдельные ученики впоследствии были награждены медалями «За оборону Ленинграда». В их числе был и я. Медаль мне была вручена в 13-летнем возрасте. Потом было много наград, но эта – самая дорогая.

Приближалась вторая блокадная зима. Фашисты, рассвирепевшие от стойкости ленинградцев, которых не удалось задушить голодом, продолжали тактику сравнивания города с землей. Не прекращались бомбежки и артобстрелы. Однако, если нас не сломил голод, никакие бомбы и снаряды нас уже не могли сломить. Мы уже ничего не боялись. Город оживал: по улицам пошли трамваи, открылись школы, но от холода замерзали чернила в чернильницах, писать приходилось на старой газетной бумаге. И хотя с питанием стало чуть лучше, люди продолжали умирать от голода и его последствий. Мы с мамой остались вдвоем в огромной ранее многонаселенной коммунальной квартире. А когда я от тяжелого истощения перестал вставать, то попал в спецбольницу для детей-дистрофиков. Здесь еще в декабре узнал от отца, что готовится крупное наступление по прорыву кольца блокады. Но отец в этих боях погиб, а мама умерла от голода.

С этого времени я стал воспитанником государства. Из больницы я был направлен в детский дом № 17, которым в этот период руководил Михаил Николаевич Рюмин, а после ухода его на фронт – Мария Константиновна Хожева, или «мамаша», как мы ее любовно называли. В детском доме мы встретили отеческую и материнскую заботу. Воспитатели, многие из которых были в свое время воспитанниками Макаренко, жили с нами одной семьей. Я не помню, чтобы

кто-нибудь из них уходил домой, а у многих и не было этого дома – их разрушила война. Здесь нас обучали ремеслу, развивали культуру и общий кругозор. С утра школа, а после нее старшие ребята – ученики 5 – 6 классов – работали для фронта. Из каких-то складов в нашу мастерскую привозили старого образца винтовки. Нашей задачей было обрабатывать их под стволы для автоматов – сбить лишние детали, укоротить и расточить стволы, отправить на спецзавод. Хотя блокада и была прорвана, но на узком перешейке и оружия, и хлеба по-прежнему не хватало.

Всегда с чувством благодарности вспоминаю детский дом. Все наше поколение в результате войны было лишено детства, но особенно дети Ленинграда – мы не играли в детские игры, мы не баловались и не хулиганили, как положено мальчишкам. **Лозунг «Все для победы!» жил даже в школе: получил «пятерку» – убил Ганса (офицера), получил «четверку» – убил Фрица (солдата), получаешь «двойку» – значит, стреляешь по своим.**

Каждый старался не ударить лицом в грязь. В 1942 – 1943 годах мы еще не знали, когда закончится война, но были готовы принять в ней участие с оружием в руках, как только прикажут. Но пока – война на картах. Небывалый интерес у школьников, особенно у нас, детдомовцев, вызывали события, происходившие на фронтах. Не знал Верховный главнокомандующий, что существует в блокадном Ленинграде еще одна Ставка Верховного главнокомандования, созданная заведующей библиотекой нашего детского дома. Были среди нас и Жуков, и Василевский, и Ватутин, и другие командующие фронтами. Ваш покорный слуга дублировал любимого всеми К. К. Рокоссовского. Вечерами, когда оканчивались занятия и работы, каждый «командующий» у карты докладывал о событиях, флажками обозначались освобожденные и взятые города.

С особой теплотой вспоминаю духовой оркестр, участником которого был со дня его основания. Еще в начале 1943 года пришел к нам маленького роста человек, бывший воспитанник этого детского дома, прекрасный музыкант, солист оркестра Ленинградского военного округа Михаил Терентьевич Парфенов. Он организовал детский духовой оркестр. И уже через месяц мы играли на торжественных собраниях на заводах и в клубах, в госпиталях и просто на улицах. Весть об оркестре быстро разнеслась по городу, ведь это был единственный в осажденном городе оркестр, да еще детский, в красивой полувоенной форме зимой и в пионерской форме – летом.

Детский оркестр вызывал, по-видимому, не только любопытство, но и удивление и даже восторг. Помню, при обслуживании активов подходили известные люди: А. А. Жданов, его ближайшие помощники, известные артисты. А однажды во Дворце пионеров произошла встреча с супругой тогдашнего премьер-министра Англии У. Черчилля. Встреченная громкой музыкой оркестра и увидев детей, она подошла к нам, о чем-то разговаривала с сопровождающими, постоянно вытирая глаза платочком, а затем, помахав нам на прощание этим же платочком, прошла дальше, но еще не раз оглянулась.

Но самыми большими событиями были победы на фронтах – освобождение и взятие городов, сопровождавшиеся салютами. Тогда от Смольного, где располагался наш детский дом, по Суворовскому и Невскому проспектам, по всем главным улицам шагала колонна детского дома во главе со своим оркестром. Люди любовались и радовались. Так было при снятии блокады. Последний такой марш, «парад по улице с оркестром», мы совершили утром 9 мая 1945 года. Это был день нашей победы, в который каждый ленинградец от мала до велика внес свой вклад, часть своего здоровья, а многие и жизнь.

С самого начала войны и в тяжелые дни блокады мы верили: «будет и на нашей улице праздник», и пройдут наши войска по главным улицам Берлина с оркестром.

Алёхина Антонина Павловна
Из всех желаний осталось только одно – поесть!

Антонина Павловна Алёхина родилась и жила в сердце Ленинграда – на Невском проспекте. Ей было 14 лет, когда на мирных жителей города обрушился град военных снарядов и вражеских бомб. Отовсюду были видны огромные клубы дыма с длинными языками пламени, вздымавшиеся на сотни метров над городом – горели продовольственные склады. Сжималось гитлеровское железное кольцо, блокирующее Ленинград.

Зима 1941 – 1942 годов была страшной. Осенью Антонина начала учиться в ремесленном училище при заводе имени Свердлова и ежедневно ходила пешком через Литейный мост на другую сторону Невы. Посещать занятия она перестала только тогда, кода сил совсем не стало. Из всех желаний осталось только одно – поесть.

В дни блокады группа ленинградских ученых разработала рецепт изготовления пищевой целлюлозы из опилок хвойных деревьев – ее добавляли в хлеб. В годы блокады ее потребление составило 16 тысяч тонн.

В хлеб добавляли и жмых из хлопковых семян, предназначенный для сжигания в корабельных топках. Четыре тысячи тонн этого жмыха, содержащего ядовитые вещества, нашли в порту и добавили к пищевым запасам. Эта смесь спасла тысячи человеческих жизней, несмотря на то что 125-граммовая норма хлеба на день исчезала порой уже при делении этого кусочка на дольки.

В семье Алехиных, как и во многих других ленинградских семьях, варили мужские кожаные ремни и обувь. Несмотря на все старания, голод оказался сильнее. Отец Антонины умер.

Ее мать Анна Ивановна погибла при ударе снаряда. Гитлер решил стереть Ленинград с лица земли. Фашисты составили схему города, чтобы вести артиллерийский огонь более целенаправленно, особенно по историческому центру. Огневой точкой № 192 был Дворец пионеров, № 295 – «Гостиный Двор». На площади Искусств, недалеко от «Гостиного Двора», мама Антонины и попала под обстрел.

После этого семья осиротела. Маленького брата и сестру знакомые определили в круглосуточный детский сад, а Тоню устроили на Ленинградский инструментальный завод имени Воскова учеником токаря.

Она стояла на подставленном к токарному оборудованию ящике и едва дотягивалась до станка. Управляться с деталями было очень трудно, но Антонина старалась изо всех сил. Вскоре аккуратную и шуструю девчонку заметил директор завода и предложил ей пойти на курсы шоферов. После трехмесячного обучения 17-летняя Антонина получила права стажера и самостоятельно ездила на небольшие расстояния. Как только ей исполнилось 18 лет, она уже с постоянными правами лихо водила полуторку с газогенераторным оборудованием. На этой машине она и проехала по своей дороге, ведущей к Победе.

Амосова Галина Михайловна
Мой папа был летчиком

Амосова Галина Михайловна – член Региональной общественной организации воспитанников детских домов блокадного Ленинграда.

Родилась я в 1932 году, до войны окончила первый класс. Когда началась война, папа у меня был летчиком – похоронен в Выборге в братской могиле. В 1941 году, когда начались первые обстрелы, мы жили на проспекте Максима Горького в Петроградском районе. Так получилось, что маму во дворе ранило осколками снаряда. У нее были иссечены все ноги, я лежала с ней в больнице, пока она ходила в гипсе. Дома осталась бабушка, которая меня так и не дождалась – ушла из жизни. Она захоронена на Пискаревском кладбище.

После того как маме сняли гипс, я попала в детский дом в Петроградском районе, на Большом проспекте, угол Большого и Бармалеева, – сейчас там находится отдел народного образования. И потом нас оттуда уже в 1942 году сначала довезли до мыса Кабона, после этого на машине по Ладоге. Машина, следовавшая за нами, ушла под лед – такое тоже бывало. Потом нас посадили в товарные, «телячьи» вагоны, довезли до Костромы, потом из Костромы по Волге, на другую сторону – в санаторий «Козловы горы». И мы там жили до 1945 года, там был наш детский дом.

Учились в двух километрах от санатория в «Минской» школе, ходили пешком. Муж директора нашего детдома был музыкальный человек, у нас устраивались спектакли, организовали хор, мы даже выезжали на концерты в Ярославль. В 1945 году вернулись. Я приехала к дяде в Ленинград поступать в музыкальную школу – до войны я там уже училась. Но не получилось. В общем, попала в лесное училище на Фонтанке, 14. Училище я окончила, потом встала на очередь, чтобы получить жилье. Работала, попала в монтажное управление, была монтажницей. В январе этого года мне исполнился 81 год.

Андрияшина Ольга Владимировна
Водила машину через Ладогу

Ольга Владимировна очень любила путешествовать. До замужества она работала на железной дороге смазчицей и исколесила полстраны. А потом ездила с мужем: сначала – на Дальний Восток, потом – в Прибалтику. Там, в Лиепае, их и застало известие о начале войны. Муж отправился на призывной пункт, а Ольга с маленькой дочкой – в Ленинград, домой.

В 1941 году она окончила курсы шоферов и стала водить машины. Грузы были разные. Возила хлеб по городу, боеприпасы через Ладогу, а обратно – продукты и снаряды на передовую (линия фронта проходила в конце Московского (Международного) проспекта, сразу за заводом «Электросила»).

Эти рейсы Ольга Владимировна считает самыми «счастливыми», ведь с передовой она всегда возвращалась с маленькой кружкой каши, которой ее там угощали. Кашу она везла своей маме и дочке, которые жили в блокадном городе и голодали, как и все.

Однажды, когда она с напарницей возвращалась из рейса, началась бомбежка. Машину не оставить, и они продолжали ехать. Рядом с ними разорвалась бомба. Ольга, не задумываясь, закрыла собой свою совсем молоденькую напарницу и была ранена осколками снаряда. Почувствовала боль в руке и увидела, как рукав телогрейки набухает от крови. Еле-еле добрались до госпиталя. Когда сняли ватник, то оказалось, что со спины он весь испещрен мелкими осколками. Просто чудом остались живы.

Организм был истощен голодом, рука долго не заживала да так и не вылечилась окончательно. А после войны вернулся муж, родился сын. В 1963 году они приехали в Севастополь.

Аншелес Ирина Иосифовна
Страшно не было, пугала неизвестность

Ирина Иосифовна Аншелес родилась в 1924 году в Ленинграде. Окончила оперное режиссерское отделение в Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова, работала в оперных театрах Новосибирска, Куйбышева. Ветеран труда.

Когда началась война, мне было 15 лет, я заканчивала учебу в школе и жила вдвоем с мамой. Моя мама была хорошей хозяйкой, сама шила одежду и очень вкусно готовила. Она также работала в лаборатории, растила кварцы, которые во время войны использовали как звукоулавливатели. Мой папа сделал открытие, что кристаллы кварца можно искусственно выращивать, и этим как раз и занималась мама.

В конце лета – начале осени всех девятиклассников и десятиклассников отправили копать окопы. Мы собрались, пошли на вокзал и просидели там всю ночь. Нас должны были отправить под Лугу, там была хорошая оборона, но как раз в это время немцы ее все же взяли. Где-то под утро нас посадили в пассажирский поезд, и вместо Луги мы оказались в Великом Новгороде. А те школьники, которые поехали в Лугу, погибли. Недели две мы копали окопы, потом неожиданно ночью нас собрали военные и куда-то повели. Мы оказались в окружении, но, слава Богу, ночь была темная, и нас вывели обратно в Ленинград.

Мальчикам ввели уроки боя, и не позже ноября они ушли на фронт добровольцами. Они попали в окружение в болоте, и из нашего и параллельного классов домой вернулось всего человек десять.

7 ноября 1941 года я слышала речь Сталина из Москвы по радио, в которой он говорил, что ничего страшного не произошло. Хотя Бадаевские склады, на которых хранились запасы продовольствия для Ленинграда, сгорели еще 8 сентября, и очень чувствовался голод, все думали, что месяца через два все закончится. Но позже оказалось, что война затянулась на четыре года!

Когда люди поняли, что немцы хотят сровнять Ленинград с землей, стали спасать культурные ценности: памятники заколачивали деревянными щитами, что-то закапывали в землю, первые этажи зданий закрывали мешками с песком. Многие ценности вывозили в Сибирь, на Урал, Дальний Восток. Были разбомблены дворцы в Петергофе, Павловске, Пушкине, в роскошных залах Екатерининского дворца немцы устроили конюшни, а уникальную Янтарную комнату вывезли в неизвестном направлении, и судьба ее до сих пор неизвестна.

8 нашем доме всех жителей призвали на ночные дежурства по 4 часа, каждый знал свой день, и при возникновении опасности мы поднимались на крышу. Эти дежурства длились довольно долго, но в декабре их отменили, потому что не было воды и не работали телефоны.

Какое-то время мы ходили в школу, там нам выдавали еду: щи из черной капусты, а если очень повезет, то суп из черной лапши. Всю еду мы несли домой. Но это еще были не самые худшие дни блокады, трагедия началась, когда мы начали питаться по карточкам. Маме дали рабочую карточку – 250 граммов хлеба, а мне детскую – 125 граммов. Хлеб готовили в основном из коры, муки в нем было мало.

Очереди за хлебом, сильные морозы, артобстрелы и налеты, многочисленные жертвы – такова была блокадная жизнь. Но даже в этих условиях работали заводы, мастерские. В Ленинграде оставались известные деятели культуры – писатели, поэты, музыканты, практически каждый день их голоса и произведения звучали по радио, чтобы придать силы людям. Я очень хорошо помню в эфире голос поэтессы Ольги Берггольц, постоянно звучала симфоническая музыка.

Страшно ли было в блокадном городе? Нет, страшно не было, пугала неизвестность. Было очень плохо, когда умерла мама. 1 января она не вышла на работу, и я вызвала врача. Он выписал ей больничный лист с диагнозом дистрофия, и вскоре ее не стало. Одна женщина согласилась помочь мне похоронить маму, при условии, что я дам ей два килограмма хлеба. И за 40 дней я накопила эти два килограмма. У мамы было несколько золотых вещей: браслеты, медальон, часы – я отдала их в обмен на баночку крупы и белый хлеб. Так я осталась одна.

Чуть позже мамина приятельница, узнав о моей беде, предложила мне работать в садике уборщицей, и я согласилась. Я работала там до конца 1942 года и получала в день дополнительную тарелку супа, она мне очень помогла.

Весной, чтобы не вспыхнула эпидемия, нужно было очистить улицы от трупов и помоев, которые накопились из-за того, что канализация не работала. Вышел указ о том, чтобы все люди после работы выходили убирать снег и отвозили его на Неву, чтобы он быстрее таял. И мы ходили с большими санками и сгребали снег.

В апреле улицы были уже чистыми и, наконец, пошел первый трамвай. Я не могу передать вам, какой это был праздник для всех! Люди выходили на стук рельсов, радовались, аплодировали. Когда отогнали немцев от Москвы, у нас салюта еще не было, а вот когда одержали победу под Курском и Орлом – был. Он вселял в людей радость и надежду.

Где-то в мае или июне ко мне пришла мамина сослуживица и предложила работать на маминой работе, так что вскоре я устроилась работать помощницей в лабораторию. Но в августе мой папа, узнав, что мама умерла, вызвал меня в Саратов. Три недели я добиралась из Ленинграда до Саратова. Когда я приехала, папа привел меня к профессору медицинских наук, чтобы тот меня осмотрел. Тот сказал, что в 17 лет весить 32 кг – ненормально. Тогда меня отправили в санаторий, и после этого мое здоровье улучшилось. Через какое-то время папа снова привел меня к тому же профессору. А у отца была еще одна дочь от первого брака, старше меня на 10 лет. Так вот, я вошла в кабинет, профессор меня осмотрел, и я вышла. Потом профессор спросил у папы: «Это ваша старшая дочь? А та девочка, которую вы приводили ко мне, она что, умерла?» Когда папа сказал, что привел ту же девочку, что и в первый раз, профессор схватился за голову и сказал, что такого не бывает.

Когда я была в 9-м классе, нас отправили в семхоз (семенное хозяйство), там мы помогали сажать растения. Нам давали арбузы, дыни, картофель, капусту, и мы все это увозили домой. А профессорский состав, в том числе мой отец, получал в качестве дотации масло и сахар.

Я была в 10-м классе, когда блокада была прорвана. Весной 1944 года мы с папой вернулись из Саратова в Ленинград, и там я поступила в университет на искусствоведческий факультет. Через год война закончилась.

Айзин Маргарита Владимировна
Бриллиантовое ожерелье – за буханку хлеба

Когда началась война, я была в пионерском лагере. Мама приехала и забрала меня домой, мы тогда жили на Моховой, на седьмом этаже. В начале войны, когда все стали эвакуироваться, уезжать, она меня спросила: «Может, и нам стоит уехать?» А куда мы можем ехать? Некуда было. Мы жили на седьмом этаже, и нам предлагали переехать вниз. Но я подумала, что, если мы перевезем вещи, а потом хозяева той квартиры вернутся обратно, им негде будет жить. Так мы там и остались.

Осенью начались бомбежки, обстрелы. Как только объявляли воздушную тревогу, мы спускались с седьмого этажа в бомбоубежище, потом, когда был отбой, мы поднимались наверх. Бывало так, что налет повторялся через пять часов, а бывало, что и через полчаса. Только поднимешься, хочешь перекусить, опять тревога, опять спускаться, и так весь день.

Однажды объявили воздушную тревогу, а нам с мамой надоело по двадцать раз спускаться, и мы остались дома. Мы сидели на углу стола, перед нами стояло налитое в блюдечко подсолнечное масло, мы макали в него кусочки хлеба с солью и ели. Вдруг слышим – летит немецкий самолет, мы уже по звуку научились отличать, и потом какой-то шум и глухой стук. Дом закачался, а так как это был седьмой этаж, то было очень ощутимо. Мы побледнели, посмотрели друг на друга и решили, что сейчас все рухнет. Тут мы уж все бросили, масло это, и побежали в бомбоубежище, там нам сказали, что в соседнем дворе упала неразорвавшаяся бомба.

Когда мы сидели в бомбоубежище во время налетов, все вечно вспоминали, как мы вкусно кушали до войны. И моя подружка мне говорит: «Когда кончится война, я буду самая богатая, буду шикарно одеваться. Буду есть чечевичную кашу, хлеб и сладкий чай, а все остальные деньги потрачу на тряпки!» Такие вот разговоры мы, дети, вели в бомбоубежище.

Было очень холодно, в комнате стояла самодельная металлическая буржуйка, и труба от нее выходила в окно. Почему-то ветер всегда дул в окно, весь дым валил в комнату, и мы ходили чумазые, со слезами на глазах. Спали, накрывшись и одеялом, и пальто, и всем, чем только можно.

Холод нас очень мучил. Мама работала на мебельной фабрике на другом конце города, там накопились всякие стружки, деревянные отходы, чем и топили печку. А у нас дома печки не было, только центральное отопление. Мама предложила переехать туда. Там был «красный уголок», его заняли под жилье: поставили козлы, диваны с матрасами, набитыми стружками, вот там мы и спали. Между дверей стояло ведро, параша, куда люди ходили ночью. Рядом была маленькая кладовка, стоял какой-то стол. Там мы снимали с себя все, что было надето для тепла, раздевались догола и молотком отбивали одежду, убивали вшей. На какое-то время помогало.

Утром надо было идти брать по карточкам хлеб. У мамы была служебная карточка, у меня иждивенческая. Однажды был такой случай: я стояла в очереди за хлебом, получила на свою карточку маленький кусочек хлеба, 125 грамм, и сверху маленький довесок – точность тогда на весах была аптечная. Продавщица подает мне этот хлеб, и в этот момент какой-то мальчишка, который стоял рядом, хватает этот довесок и сует в рот. Он его моментально съел – что с ним сделаешь?

Когда мы жили в этом «красном уголке», то нам давали папиросы. Недалеко, на Обводном канале, была барахолка, и мама послала меня туда поменять пачку «Беломора» на хлеб. Помню, как женщина там ходила и просила за бриллиантовое оже-

релье буханку хлеба. Потом ко мне подскочил милиционер, спрашивает: «Ты что тут делаешь?» Там была какая-то арка во двор, он меня туда повел, взял эти папиросы, спрашивает: «Ты что тут спекулируешь?» Я вижу, что моя жизнь в опасности, бросила эти папиросы и убежала. Пришла домой – ни папирос, ни хлеба.

Еще делали четверговую соль: ее надо было бросить в мешочке в золу, чтобы она почернела, и тогда она приобретала запах сваренного вкрутую яйца. Ее сыпали на хлеб, и казалось, как будто ешь хлеб с яйцом.

Мы ели столярный клей, как-то его растапливали и делали студень, это еще на Моховой. А в октябре – ноябре мы ходили на сгоревшие Бадаевские склады. Там песок перемешался со сгоревшим сахаром, и вот этот песок мы где-то доставали и разводили в чае. Песок отстоится и осядет на дно, а чай становится сладким. Была всякая дуранда (выжимки от растительного масла. – *Ред.*), уж не знаю, откуда мы ее доставали, и на Новый год делали лепешки. Очень любили чечевичную кашу, тогда это был деликатес.

Может, потому, что я всегда мало ела, мне было немного легче. Мама переживала блокаду тяжелее, у нее был хороший аппетит. У нее началась ужасная дистрофия, ее определили в стационар для дистрофиков, она там недели две была. А у меня начался голодный понос с кровью, но как-то обошлось.

Воды дома не было, за ней ходили с ведром. Людям, которые брали воду из Невы, еще повезло, она была чистая. А мы жили рядом с Обводным каналом, воду приходилось брать оттуда. Она была ужасно грязная, и, может быть, именно из-за этой воды у меня открылся понос. Мама в это время лежала в стационаре, а меня почему-то взял к себе домой один ее сотрудник. И когда у меня начался понос, он меня выгнал, а мне идти было некуда. Ходили в туалет тогда в ведро, и у людей потом не было сил спуститься на улицу, чтобы вынести его. Выливали прямо от дверей по лестнице, потом все это замерзало, и лестницы были покрыты замерзшими нечистотами. Запаха особого не было, стояли страшные морозы, до – 30 градусов и даже ниже. В бомбоубежище мы тогда обсуждали, что вот ожидаются крещенские морозы, потом сретенские, потом еще какие, все приметы выучили.

Мама узнала, что один ее дальний родственник работает в госпитале в помещении Лесотехнической академии. И она сказала мне: «Собирайся и иди туда. Дойдешь, значит, дойдешь, нет – значит, судьба такая». Она хотела, чтобы я там устроилась на работу, и вот я собралась, надела валенки, замоталась потеплее. Вышла я с Лиговского проспекта, было еще рано, и пошла пешком в академию. Когда я дошла, было уже темно, все закрыто, это был конец февраля, зима. Я позвонила, говорю, что попросите такого-то, он там врачом работал. Я жду, а его все нет и нет. Звоню еще раз, а мне отвечают, что тот врач сказал, что у него нет никакой племянницы, что все в эвакуации. А я была ему не родная племянница, седьмая вода на киселе. Потом он, наконец, спустился и все-таки узнал меня. Я говорю: «Устройте меня на работу». А он: «Куда же тебя устроить?» Маленькая, худенькая – мне только 16 лет тогда исполнилось. «В палату тебя не отправишь, судно раненым подавать, ты же девочка, на кухню – ты котел не повернешь», – в общем, решили меня устроить в лабораторию, и там я проработала всю войну.

Это был 1942 год, нас тогда в лаборатории работало человека три. Потом госпиталь стали перебрасывать то на Флюгов переулок, то на улицу Мира, размещали по-разному – в землянках, в палатках. Наконец нас перевели на Ладогу, а после снятия блокады – в Красное Село. Жителей там не было, Село стояло пустое. Рядом была Воронья Гора, с нее нас обстреливали немцы. В Селе находились бывшие казармы, и вот в этих казармах расположился госпиталь.

Фронт располагался от нас километрах в пяти, и мы принимали раненых с передовой. Их привозили на машинах типа фургонов, внутри крепились носилки в три ряда. Стояла целая вереница фургонов, и мы их разгружали. Носилки надо было снять с петель: я снимала с одной стороны, в ногах, там полегче было, а в головах стояла девочка-рентгенолог. Мы подавали эти носилки вниз, на улицу, где стояли врачи. На животе у раненых лежала очень коротко

написанная история болезни, где было указано, куда его ранило. Сил не было, и однажды я, снимая носилки с петель, уронила верхнего раненого на нижнего. Нижний ругался на меня как только можно, многоэтажно, всеми известными словами. Когда я подала его из машины на улицу, врач у него спрашивает: «Куда ранение?» Тот продолжает ругаться. Посмотрели в историю, а там написано «ранение в пах». А я ведь на него еще и другого уронила. Вот эта история мне запомнилась.

В казармах был широченный коридор, мы осматривали раненых и развозили по палатам – кто ранен в руку – в одну сторону, в ногу – в другую и так далее. Бинтов не хватало, их приходилось стирать. Это было где-то в 1943 году.

Потом наш госпиталь отправили в Польшу, уже в январе 1945 года. Это было под Варшавой, зимой. Нас выгрузили на вокзале, мы поставили самодельные брезентовые палатки, разложили кровати. У нас были грелки для больных: такой пакетик, куда клали угли, и вода нагревалась. И вот мы ложились спать на этих железных кроватях и обкладывались грелками. Так мы прожили примерно неделю, прямо на вокзале.

До конца войны мы работали в Польше, потом часть работников госпиталя направили на войну с Японией, а нас, тридцать человек, отправили обратно в Ленинград. У нас был всего один вагончик-теплушка, и мы ехали очень долго. Прицепят к составу, сколько-то проедем, потом загоняют в тупичок, и стоим неизвестно где. Собирали по рублю, шли к начальнику станции и просили прицепить нас, чтобы ехать в Ленинград. И вот мы пересекли границу Украины, проснулись – солнце, тепло, смотрим – подошел какой-то эшелон. Нам надо идти просить, чтобы нас подцепили, и ехать дальше. И вдруг из этого эшелона выбегают военные в непонятной форме – в куртках, беретах.

Потом мы узнали, что это едут освобожденные американцами пленные, их везли в Сибирь на проверку. Они услышали, что стоит вагончик медсестер и врачей из Ленинграда, и они захотели узнать, как идут дела в городе. Мы им стали рассказывать, потом нашим девочкам надоело, и они ушли в вагончик, осталась только я. Один из них оказался директором моей школы, он у нас работал историком. Он тогда сказал мне: «То, что я вам рассказывал про рабовладельческий строй на истории, это ерунда по сравнению с тем, что мне пришлось пережить в плену». Вот такой был момент.

Потом мы 13 суток добирались до Ленинграда. Город изменился. Там, где были газоны, разбили огороды: на Марсовом поле, везде, где только был кусочек земли. Делали грядки и сажали все, что только можно, – и картошку, и морковку, один раз посадили огурцы, а выросли какие-то маленькие арбузики. Потом открыли бани. Мы как-то пришли мыться: вот как показывают Освенцим, вот такое же зрелище было в этой бане. Мы мылись и наслаждались горячей водой.

Сейчас я помню все как во сне. Блокаду не описать: представьте, что вас не будут кормить неделю, что будет холодно и голодно. Люди ходили еле-еле, падали и умирали. Когда мы жили на мебельной фабрике, там стоял кожаный диван. Люди приходили, садились, помню, сел один мужчина и вроде как заснул, а потом оказалось, что он умер. Смерть была, в общем-то, легкой. Нас жило там человек пятнадцать, и на козлах спала мама с ребенком. Однажды слышим, он плачет: «Мама, мама!» Потом утром выяснилось, что она умерла, а он этого не понимал и звал ее. У меня вот был кровавый понос от голода. Не знаю, как пережили.

Артеменюк Людмила Владимировна
Туда, где я стояла, упала бомба

Родилась 24 июля 1936 года в Ленинграде (на Фонтанке). Родители уехали в Казахстан по месту службы отца, Людочка осталась с бабушкой в Тосно. При отступлении наших войск уехала в Ленинград с теткой (сестра мамы), в блокадном городе оставались до 1943 года. Проживали на Московском проспекте, д. 61. Тетя каждый день добиралась на работу на трамвае № 19, потом, когда перестал работать транспорт, переехали жить к дальним родственникам на ул. Чайковского.

Людмила Владимировна рассказывала, как «пошла погулять» и началась «воздушная тревога», сандружинница схватила её и бросила в подвал бомбоубежища, а туда, где она стояла, – упала бомба. Больше тетя не отпускала её от себя ни на шаг, боялась.

После войны Людмила Владимировна окончила 283 школу в Ленинском районе, жила с матерью, которая вернулась из Франции, где почти всю войну содержалась в концлагере. Трудовой стаж Людмилы Владимировны более 40 лет, Ветеран труда. Вырастила дочь, есть два внука. В Стрельне поселилась в начале 50-х годов, сейчас живет в Петергофе. Ведет большую общественную работу, казначей в Обществе жителей блокадного Ленинграда 2-го микрорайона.

Артюхевич Галина Александровна
Война пришлась на мою юность

У войны свои дороги, и каждому досталось сполна… Великая Отечественная пришлась на нашу юность. В 1941 году я как раз окончила школу в Ленинграде и решила поступать в пединститут, но вместо этого получила направление на работу в детский сад воспитателем. В тот год была создана комиссия по выявлению детей, потерявших родителей, и начали массово открываться детские дома. На долю воспитателей выпали тяжелые испытания. Ежедневно в детские учреждения поступало огромное количество истощенных ребятишек, а потом началось сокращение продуктов и хлеба. Город уже находился под огнем артиллерии врага. **19 сентября 1941 года фашистская авиация сбросила на Ленинград полтысячи фугасных и почти полторы тысячи зажигательных бомб, а где-то через неделю последовало новое сообщение о сокращении норм хлеба: рабочим полагалось по 300 граммов, служащим и детям – по 125 граммов.** Да, это уже была ленинградская блокада…

Опасаясь вражеских налетов на Ленинград, детей начали вывозить в южные районы области, однако не учли угрозы оккупации этих районов. Наш детский сад получил направление на станцию Неболочи в Ленинградскую область. Детям сказали, что едем на дачу, но жить там пришлось недолго. Однажды, гуляя с воспитанниками на нашей любимой поляне у леса, я услышала немецкую речь и поняла, что надо быстро возвращаться к дому. Передо мной стояла задача – быстро собрать детей. Тогда я сказала ребятам: «Кто быстрее добежит до дома, получит приз». Я их только и видела! Проходя мимо вышки воинской части, я увидела солдата, несшего дежурство. Предупредила его, что в лесу немцы. Он сказал, чтобы мы собирали вещи и что в ночь на подводах нас отвезут на вокзал. Дачники в поездах покатили обратно на свою родину. А нас там встретили частые обстрелы и бомбежки. Детей из сада уже не разбирали по домам, и нас всех распределили по интернатам. Я получила назначение в детский дом № 11 Калининского района.

Приближалась зима. В тот год она была очень холодной, а отопления не было. Наш детский дом занимал помещение бывшей школы на Полюстровском проспекте. Обогревались буржуйкой, которую топили школьными партами. Ночевали только в бомбоубежищах. Ко всему привыкли, кроме голода. Голод косил всех: и взрослых, и детей. Работникам детских учреждений пришло специальное распоряжение: «Отвлекать детей от разговоров и рассказов о пище». Но, как ни старались это делать, не получалось. Шести– и семилетние детишки, как только просыпались, начинали перечислять, что им варила мама и как было вкусно. В итоге все шишки сыпались на нашего повара. Тогда она придумала свой рецепт и назвала его «витаминчики». Повар жила у лесопарка и по дороге на работу рвала сосновые иголки, кипятила их. Я же вечерами ходила в госпиталь, который располагался в здании Лесотехнической академии, помогала раскладывать порционно для раненых бойцов сахарный песок и масло. За это мне давали две столовых ложки песку, который мы добавляли в «витаминчики». Давали детям по полстакана этого напитка, и все были довольны. Но и это вскоре прекратилось, а следовательно, возобновились разговоры о «маминой еде». Тогда я нашла решение: сказала детям, что знаю, почему у нас нет прежней еды. Все притихли, а я продолжила: потому что все съел Гитлер и его армия. «Когда его поймают и разобьют армию фашистов, тогда у нас опять все будет, но для этого надо, чтобы вы перестали говорить о еде! – сказала я. – Для этого ваши папы и мамы ушли на фронт». И они мне поверили. А когда кто-то забывался, на него все ополчались, и он замолкал. В 1942 году для ослабленных детей стали выделять диетическое питание. Спасала Дорога жизни, через которую со всех сторон Большой земли приходило подкрепление. Зимой на подводах, а летом – баржами. Борьба за сохранность жизни детей блокадного Ленинграда была

трудной, но благородной. Сейчас стесняются писать и говорить о многом: например, правду о количестве детей и взрослых, лежащих на дне Ладожского озера, о массовой вшивости и дистрофических поносах. Но для нас, работников детских учреждений, это навсегда осталось в памяти.

В третий этап эвакуации в 1942 году наш детский дом отправился по Дороге жизни, пролегавшей по льду Ладожского озера. Работа проходила в темпе – медлить было подобно смерти. Строй солдат образовал живой коридор, по которому из рук в руки передавали каждого ребенка и укладывали в барже на матрасы. Вот так мы отправились на противоположный берег, где нас ждал вкусный обед. Дальше путь пролегал по Большой земле на поезде до реки Волги, а оттуда – на красивом пароходе до Ульяновска. Свое 19-летие я встретила, проплывая мимо живописного местечка Жигули. Детей поместили в детский дом ульяновского села Бекетовка, а нас расселили по избам. Местные жители, зная, что мы ленинградцы, очень сердечно к нам относились, старались чем-нибудь угостить, много помогал и местный совхоз – снабжал парным молоком. Однажды нам привезли подарки из Америки. Слух быстро разнесся по селу, и все пришли посмотреть, чем пожертвовали «господа». Когда распечатали тюки, нашему удивлению не было предела. Для детей-сирот прислали туфли на каблуках, поношенные платья с кринолинами, шляпы с перьями и посуду с фашистскими знаками. Посуду мы сразу разбили, а детей нарядили и выпустили к народу, чтобы все знали, что нам дарят.

В марте 1945 года я получила повестку и мобилизационный листок. Мне было предписано в трехдневный срок явиться в Ленинград на восстановительные работы на завод металлоконструкций. Со мной в дорогу собирались еще несколько ленинградцев. Расставание с детьми было очень печальным. Отправились в путь, но до Ленинграда так и не доехали, только до Волховстроя, что на реке Волхов. От нас потребовали пропуск для проезда по мосту, но у нас его не было. В результате нас оставили на местном заводе, сказав, что это филиал головного. Мы чувствовали, что это обман, но в военное время рабочие руки были нужны везде. Нас определили в общежитие и отправили в литейный цех плавки на работу. У некоторых женщин были дети, и они, уходя на работу, оставляли своих чад в общежитии. Однажды, возвращаясь со смены, мы увидели у здания большую толпу. Оказалось, что все дети погибли, – в куче мусора они нашли снаряд, постучали по нему камнем, и все взлетело на воздух. Мы собрали все куски в ящик и похоронили ребятишек, а на следующий день не вышли на работу. Я составила телеграмму в Ленинград, написала про гибель детей, но ее не приняли. Тогда я решила в ответ на обман придумать хитрость. Познакомилась с девушкой, которая работала на телеграфе. Погуляла с ней, разработали обоюдный план за моей подписью, и телеграмма была отправлена в Министерство цветных металлов в Москву. Спустя четыре дня в общежитие зашли двое мужчин и приказали нам собираться. Мы решили, что это конец, а оказалось – спасение. Нас усадили в грузовик, повезли через мост, на середине у патруля сделали остановку, выставили ящик с водкой и поехали в Ленинград. На заводе всех определили на работы и предлагали обеспечить жильем. Я отказалась и поехала на свою квартиру, но она была занята новыми жильцами, а вещи мои разграблены. В итоге вернулась на завод и определилась в общежитие на Обводном канале. В отделе кадров мне сказали: раз сумела послать такую телеграмму, будешь работать помощницей коммерческого директора. Так я получила новую специальность.

День Победы я встречала в Ленинграде с огромным букетом полевых цветов. Это был настоящий праздник – солдаты-победители, уставшие и улыбающиеся, и жители блокадного города, труженики тыла – все были невероятно счастливыми, кричали «Ура!», обнимались, целовались, как старые знакомые. Мы поднимались, жили, нас называли одуванчиками, а город мы свой сохранили. В награду мне дали медаль – «За оборону Ленинграда».

Аспенников Александр Тихонович
Мы хвастались – у кого какой осколок

Когда началась война, мне было 8 лет, я должен был идти в первый класс. Я не сразу понял, что произошло, – были бомбежки, воздушные тревоги, но мне, восьмилетнему, казалось, что это не страшно. Мы, ребята, бегали, собирали осколки, хвастались между собой, у кого какой осколок.

Потом началась блокада. В это время эвакуировали детские сады, школы, но мама нас не отпустила. Первое время мы ходили в бомбоубежище, а потом мама просто сажала сестру и меня на кровать и садилась сама, чтобы если убьет, то сразу всех. Однажды меня контузило взрывом. Дом был разрушен, и нас переселили в барак рядом, в одной комнате жило несколько семей.

Мать ходила, искала где что поесть. Доставала детскую присыпку, пекла ее на сковородке. Брали горчицу, заливали ее водой, через несколько дней горечь сходила, и из нее тоже пекли лепешки.

Я уже не мог ходить, лежал на кровати. Над кроватью на гвоздике висело пальто. Когда приходила мать и давала мне кусочек хлеба, я клал его в карман пальто и по крошечке доставал и ел. Сестренка была помоложе и более пухленькая, она еще бегала. Голод я уже не очень хорошо помню, все притупилось.

Наш сосед работал на военном заводе, семью он отправил в эвакуацию. Помню, что он разводил и ел резиновый клей. Потом тоже умер.

Мама сумела достать нам эвакуационный билет. Сестра отца помогла нам добраться до вокзала, меня везли на санках, я сам идти не мог. Началась тревога, и все убежали с перронов, бросив вещи. Когда вернулись, вещей не нашли. Нас погрузили в теплушки и повезли к Ладожскому озеру, там быстро, бегом, пересадили в грузовик-полуторку с тентом. Перевезли через озеро, посадили в вагоны. Ехали долго, на остановках давали суп, иногда манную кашу и круглый хлеб в дорогу. Кто-то умирал, их сразу выгружали – двери были все время приоткрыты. Посередине теплушки стояла чугунная печка с трубой. Как-то я сушился у печки и сжег себе штаны. Состав гнали мимо Москвы, и мы вышли, поехали к бабушке в Томилино в Подмосковье. Там же я пошел в школу, потом в железнодорожное училище.

Бабуркина Галина Александровна (Бойкова)
Выжили только мы с сестрой

У нас была большая семья, а в войну выжили только мы с моей сестрой Тамарой. Соседка по квартире так все организовала, что нас забрали в один детский дом.

Увезли нас под Тюмень, в деревню Антипино. Помню, как местные жители кормили нас хлебом. Они плакали, когда смотрели на нас.

Нас кидало из одного детдома в другой, так мы и объехали практически все сибирские детские дома. Я прожила в них с 2 до 16 лет. Все наши воспитатели были коренными ленинградцами, очень добрыми и порядочными людьми. О них остались исключительно добрые и трогательные воспоминания.

Багадыров Урунбек
До конца блокады защищал Ленинград

Мой отец Багадыров Урунбек воевал с 1942 года у генерала Марецкого. В боях получил ранения в ноги, но, несмотря на это, до конца блокады защищал Ленинград. Получил офицерское звание. Отец не любил говорить про войну. Единственное, что он рассказывал, – историю о том, как у него на глазах убили друга, который полез первым готовить проход, а сослуживцы не смогли оказать ему помощь, чтобы не выдать всю группу. Награжден медалью «За оборону Ленинграда». После войны служил в Невельской дивизии. Умер в 1980 году.

Хочется, чтобы и его небольшой вклад не был забыт.

Базилевич Валентина Григорьевна
Нас обстрелял немецкий самолет

Валентина Базилевич родилась в Ленинграде. Во время блокады от голода умер ее отец. Она вспоминает, как умирали на улицах люди, как немцы бомбили эшелоны, увозившие эвакуированных блокадников. В 1954 году вместе с мужем Валентина Базилевич переехала в Крым.

Сейчас волею судьбы мы оказались за границей – в Украине. А родилась я в Ленинграде, где прошли мое детство и часть юности. Вспоминаю тяжелые дни блокады, в которые мы потеряли многих своих родных. От голода умерла мамина сестра, мои двоюродные брат и сестра. А самое больное – в 39 лет умер мой папа. Умирая, он попросил что-нибудь покушать. Но нам нечего было ему дать. Страшно. Все мы уже ходили как тени.

Голод, холод. Ни воды, ни света. Бесконечные бомбежки. В бомбоубежище мы не ходили, хотя оно и было у нас во дворе. За водой ездили с саночками на застывшую Неву. Помню, однажды мама дала мне корочку хлеба, я проглотила ее и не почувствовала вкуса. Мне было так обидно, что я заплакала. Однажды мама шла по улице, и ее вдруг кто-то толкнул, она посторонилась, и человек упал прямо рядом. Он умер.

Полуживых, 9 марта 1942 года нас эвакуировали. Ехали мы на машине по застывшей Ладоге. Было очень страшно, так как лед уже подтаивал и машина могла в любой момент уйти под воду. Когда мы уже ехали на поезде, нас обстрелял немецкий самолет. Бомба попала прямо в паровоз. Мы все выскочили из поезда и спрятались в поле среди травы.

Эвакуировали нас с воинскими частями на Северный Кавказ, в г. Орджоникидзе, а затем в Тбилиси. Там я поступила в ремесленное училище, где мы работали по 12 часов и выпускали продукцию оборонного значения. По окончании училища я вернулась в Ленинград. Там я пошла работать на завод «Трубосталь». За хорошие успехи была выбрана депутатом в городской совет Ленинграда. В Ленинграде познакомилась с моим будущим мужем, который приехал в Ленинград из Крыма. В 1954 году мы с ним переехали в Крым.

Балицкая Ирина Михайловна
Из моей родни погибли 24 человека

Мой папа в первые же дни Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. До войны он был начальником отдела в большом ЦКБ. В Ленинграде я осталась с мамой и братом, который был младше меня на год. Во время войны мама работала в военном госпитале, и иногда ее сутками не было дома. Хорошо, что с нами по соседству жила бабушка, которая иногда заходила и приглядывала за мной и братом. Мы жили в Ломанском переулке (теперь это улица Комиссара Смирнова), в доме, где находился Выборгский Дворец культуры.

В первые дни войны, когда начиналась бомбежка, все убегали с детьми в бомбоубежище. У нас у всех за спиной были рюкзачки, в которых лежали подушки. Кушать уже было практически нечего. В 1941 – 1942 годах на город обрушивались сильные обстрелы и бомбежки. Около нас находилось здание Военно-медицинской академии, которую очень часто бомбили. В нашем доме тоже был военный госпиталь. **Часто, когда мы бежали в бомбоубежище, мы видели в небе зеленые цепочки – это были следы от ракетниц, из которых пускали специальные снаряды, сигнализирующие летчикам, какие дома надо бомбить. То есть госпиталь был для фашистов как раз нужным объектом.**

В нашем доме все время было очень холодно. Мы жили в комнате площадью 26 метров. Место, где мы спали, было отгорожено буфетом и шкафом. Однажды снаряд попал в здание напротив, у нас в комнате вылетели все стекла. Мы спаслись только потому, что на нас не упали буфет и шкаф. Потом мы заделали окна простынями и одеялами.

Чтобы хоть немного нас с братиком отвлекать, перед уходом на работу мама говорила, чтобы мы рисовали. **Я, как и все девочки, всегда рисовала цветочки, принцесс, а братишка рисовал только подбитые самолеты и танки, причем и наши, и вражеские. Весной 1942 года брат умер от голода.**

Когда уже было тепло, я ходила к маме в госпиталь. Там я читала раненым бойцам стихотворения и что-то перед ними танцевала. Однажды один из раненых угостил меня сухарем, в середине которого была дырка. Боец сказал, что этот сухарь был пробит, и он собирался оставить его на память, но я так хорошо танцевала и пела, что он решил его отдать мне. Это был такой подарок.

На первый салют, который был во время прорыва блокады, мы не ходили, сил просто не было. Но мы его слышали и уже знали, что скоро победа.

Помню день окончания войны – был очень солнечный день, шли войска, им навстречу бросали полевые цветы. Все окна были открыты. Люди встречали солдат кто с радостью, кто со слезами, потому что очень многие погибли. Из моей родни во время войны погибли 24 человека. Четверо из них лежат на Пискаревском мемориальном кладбище: мой дедушка, бабушка, дядя и брат. Другие наши родственники жили в разных районах Ленинграда, и мы даже не знаем, на каких кладбищах они похоронены.

Папа пришел с войны больной, он был серьезно ранен.

Я считаю, что в таких жестоких условиях холода и голода, бомбежек и обстрелов столько людей сумело выжить и сохранить город только благодаря вере в победу, мужеству и тому, что мы все время держались вместе и помогали друг другу.

Сейчас основная задача общества – это связь поколений. Мы, блокадники, часто бываем в школах и лицеях и общаемся с подростками. Эти встречи всегда получаются очень радостные и трогательные. Каждое 27 января, в день снятия блокады Ленинграда, мы со школьниками возлагаем цветы, ребята выступают перед нами, рассказывают стихи. В такие минуты сразу вспоминается собственное детство.

Баранов Юрий Леонидович
Я помню, как это выглядело, – живые скелеты

Юрий Леонидович родился в Ленинграде, закончил «Военмех». Работал мастером-технологом в Новосибирске, затем вернулся в родной город и защитил диссертацию. Позднее занимался подготовкой оборудования для производства числового программного управления (ЧПУ). Имеет сына.

Когда началась война, мне было пять лет. Перед этим я отдыхал в летнем детском садике в Толмачево, куда меня направили от работы отца. И вот началась война, приехал отец, чтобы забрать меня домой. А по закону того времени детей в детских садах и школах должны были перевозить организованно, никуда их развозить было нельзя. И вот отцу отказали, но все-таки с большим трудом ему удалось меня оттуда вытащить и, как оказалось потом, таким образом спасти меня от смерти. Детей, которых тогда повезли на Большую землю в эшелонах, накрыло во время бомбардировки, и все они погибли.

Помню, когда мы приехали в Ленинград, я помогал матушке клеить на окна бумажные кресты для того, чтобы при взрывах стекла не вылетали. Окна также зашторивали, чтобы не проходило ни лучика света. Когда включалась сирена, сообщавшая о начале воздушной тревоги, мы бежали в подвал, где пережидали налеты. **По радио в эфире на частоте сердцебиения тикал метроном, на углах улиц стояли раструбы громкоговорителей и, когда начинался налет, объявляли: «Внимание, внимание, начинается воздушная тревога». Как-то рядом с нашим домом взорвалась бомба, и мы, обрадовавшись, что освободилось место, потом играли на этой площадке в футбол.**

Электричества и отопления не было. В квартире топили печку и камин. Мы заготавливали дрова, и я таскал эти полешки из подвала, где они хранились, на пятый этаж.

Тогда ленинградцы сильно голодали, но в нашей семье было немножечко полегче. Мой отец был военным, служил на Балтийском флоте и пересылал нам продукты, которые ему полагались. В 1940 году родилась моя сестра, и моя мама сидела с ней. У нас были иждивенческие карточки, на них получали, по-моему, по 200 грамм хлеба. Я плохо помню, что мы ели, мальчишке трудно запомнить, потому что забота об этом лежала на родителях. Мой дед работал на хладокомбинате и тоже нам помогал. До революции он был приказчиком, затем перешел на сторону большевиков и занял пост начальника Наркомпроса. Ему дали трехкомнатную квартиру, где мы и жили. Потом он перешел работать на склады, и ему удавалось доставать где-то еду.

Запомнился такой случай. В нашем же доме жили мои родственники, сестры бабушки. У них была собака, великолепная овчарка. Что меня поразило, так это то, что, когда наступило голодное время, они ее не съели. Не смогли. Собака в результате умерла, и они ее где-то похоронили.

В 1942 году, после того как мы пережили самый тяжелый зимний период, нас отправили в эвакуацию. Мы поехали в Ярославскую область, в местечко Коровники. Там тоже жили плохо. Чтобы заработать, матушка ходила сдавать кровь, работала на сборке плотов для сплава древесины, сажала картошку. В это время моя сестра простудилась, заболела воспалением легких и умерла. Так я потерял сестру.

Помню, когда нас бомбили, мы с мальчишками собирали осколки и хвастались ими друг перед другом. Еще запомнилось, что, когда мы были в эвакуации в Ярославле, матушка потащила меня на спектакль «Волки и овцы» в драматический театр, почему-то она думала, что мне, мальчишке, эта взрослая пьеса будет интересна.

В 1944 году мне исполнялось 8 лет, и пора было идти в школу. Матушка решила забрать меня в Ленинград. И вот, чтобы добраться до поезда, она тащила меня 20 километров от деревни до станции в тридцатиградусный мороз.

Всех людей, которые приезжали в Ленинград, первым делом заставляли проходить санобработку. Все вещи, в которых люди приезжали, сжигались, чтобы уничтожить вшей. Потом все шли в баню, и я помню, как это выглядело, – живые скелеты!

В 1944 году в Ленинграде ситуация тоже была сложная. Помню, я ходил отоваривать карточки, и как-то у меня их чуть не украли. Ели и дуранду. После войны меня признали дистрофиком, но я не могу сказать, что сильно страдал в блокаду, все ужасы того времени отразились в основном на взрослых.

Бардышева Галина Викторовна
Немецкие самолеты кружили так низко, что казалось, вот-вот заденут березу

Я родилась в Ораниенбауме в 1932 году. Мы жили большой семьей в Красной (бывшей Троицкой) слободе, у дороги, в деревянном доме под номером 5. В 1938 году мой брат тяжело болел. Его выходил дедушка Иван Федорович Казаков. Сам он умер в сентябре, не дожив до 54 лет. Годом раньше развелись наши родители… Пожалуй, именно в связи с этими событиями я очень рано шагнула в мир взрослых и ощутила, что в их жизни давно и прочно поселилась тревога.

В сентябре 1941 года мама работала на строительстве оборонительных сооружений. Их команда рыла окопы на Гостилицком шоссе, многие оттуда не вернулись, когда наша оборона была прорвана и Петергоф пал. Маме, по счастью, удалось выбраться.

В первый год войны школы в Ораниенбауме были закрыты. Некоторые ораниенбаумские блокадники утверждают, что учились тогда в подвале дома № 51 по проспекту Юного ленинца. Я не согласна с такой трактовкой событий. Действительно, в 1942 году в подвале-бомбоубежище дома № 51 какое-то время собирались жившие поблизости школьники средних классов, приходили и некоторые их учителя. Они беседовали, обменивались впечатлениями, читали книги, многие приносили с собой учебники. Учителей уважали, их с интересом слушали, но это общение было неформальным, не являлось обязательным, не было массовым и организованным, то есть его нельзя расценивать как учебный процесс.

В воскресенье 22 июня 1941 года у нас были гости – дядя Вася с семьей. Кадровый военный Василий Васильевич Казаков был дедушкиным племянником. В тот день мы рано сели обедать, так как потом собирались идти в парк. Вдруг по радио сообщили, что началась война. Я только окончила первый класс «парковской» школы – так называли обычную школу, размещавшуюся в старинном здании Картинного дома в Нижнем парке. Мне было тогда 9 лет, моему брату Вове (Владимир Викторович Тумашев) – 6,5 года.

С первых дней войны через жилищные конторы развернулась бурная деятельность по обеспечению самообороны. Прежде всего готовились к воздушным налетам и бомбежкам. К нашим деревянным домам подвезли песок, глину, бочки для воды и противопожарный инвентарь (ведра, багры, щипцы). Все это надо было перетащить на чердаки. Дети помогали взрослым. Мы разводили глину с водой и обмазывали ею балки на чердаке: считалось, что это должно защитить деревянные конструкции от огня. На оконные стекла мы клеили крест-накрест полоски бумаги.

Июльским днем в небе появились два немецких самолета. Они кружили так низко, что казалось, вот-вот заденут березу возле нашего дома. Вероятно, это были самолеты-разведчики. В конце лета или начале сентября в Ораниенбауме появились первые беженцы, многие из них пришли из Петергофа.

Городское население мобилизовали на разные работы, в том числе на рытье щелей-укрытий, там жители должны были укрываться при воздушных налетах. Поначалу так и поступали – женщины хватали детей и бежали под вражескими самолетами в укрытие. Бабушка же сразу заявила, что это – дурь, и наотрез отказалась от такой «самозащиты».

Летом 1943 года мою маму Антонину Ивановну Тумашеву-Казакову наградили медалью «За оборону Ленинграда», а в конце 1945 года – медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.». Нашей бабушке Марии Прохоровне Казаковой-Студийской медали и почести не полагались, так как она считалась домохозяйкой-иждивенкой. Хотя и до войны, и в войну она была так называемой «уполномоченной», то есть помощницей

участкового. Она следила за порядком в районе и за соблюдением светомаскировки. Бабушка умерла в апреле 1953 года, похоронена рядом с дедушкой на Троицком кладбище в Красной слободе.

Батова Зинаида Ивановна
Мама снимала одежду, брала молоток и била им по всем швам

О блокаде Ленинграда мне рассказывала моя мама, Батова Зинаида Ивановна. Ее родители – жители Ленинграда – поженились сразу после революции, а в 1923 году у них родилась дочь Зина. Через девять лет у моей мамы появился брат Василий. Дедушка и бабушка всю жизнь работали на ткацкой фабрике. Сначала они жили на Митрофановском шоссе в четвертом доме, потом переехали на улицу Курляндскую, в дом № 24/27, кв. 50.

Когда началась война, моей маме было 18 лет. Потом блокада Ленинграда… Мама работала на ткацкой фабрике, той же, что и ее родители. Первым умер отец. Мама (моя бабушка) слегла осенью 1942 года. Брат Вася оставался дома с мамой. Когда можно было пораньше уйти с работы, Зина торопилась к своим. Иногда приносила свой паек – бидончик похлебки, который получала на фабрике. Попасть в дом было непросто. Не было воды, не работала канализация. Все испражнения люди вываливали прямо в подъезд. А зимой все это свисало сосульками и бугрилось глыбами. Добравшись до своей квартиры, Зина делила все, что у нее было из еды, с братиком и мамой. Братик, съев свое, начинал хныкать: «Я кушать хочу». Мама отдавала ему свою еду.

В блокаду было очень много вшей. Мама снимала с себя одежду, брала молоток и била им по всем швам. Потом одежду вытряхивала и надевала на себя.

Как-то мама пришла с работы, но дверь была заперта, на стук никто не отзывался. Она постучала к соседке, ее брат находился там… Она взяла ключ и открыла дверь, а там лежала ее мама, накрытая простыней. Бабушка умерла зимой 1942 года. Первый раз в жизни Зина упала в обморок. Наревевшись, зашила свою мамочку в простыню, положила на санки и увезла.

Брат Вася оставался дома один. И в бомбежки Зина сильно за него переживала. На работе ей предложили оформить Васю в детский дом – там и присмотрят, и накормят. Зина согласилась. Теперь по вечерам после работы она торопилась навестить брата.

Однажды Зина пришла в детдом, а детей нет! Ей сказали, что их вывезли. Кто вывез, куда, как это произошло, до сих пор неизвестно. Так моя мама потеряла своего брата – Батова Василия Ивановича (1931 – 1932 г. р.). Искала она его всю жизнь, ищем его теперь и мы, надеясь получить хотя бы какую-то информацию о нем.

Зимой 1944 года маме предложили уехать в город Пушкин. Ехали в грузовиках. Все свои вещи она положила в кабину, на место рядом с водителем, а сама забралась в кузов машины. **По дороге их начали бомбить, снаряд упал рядом с кабиной водителя… Зина упала на пол кузова, успев лишь прикрыть руками голову. Мягкие ткани рук у нее срезало осколками. Все вещи, документы и фотографии сгорели в кабине. Осталась в чем была.**

После этого случая мама попала в госпиталь, где долго лечилась. Там она и познакомилась с молодым офицером, своим будущим мужем, моим папой. В 1946 году они поженились. Папа – кадровый военный, поэтому им пришлось помотаться по гарнизонам.

Мама всегда очень уважительно относилась к еде. И нас, своих детей, приучила к этому. В нашей семье никогда не выкидывали хлеб. Это грех.

Умерла мама в 1966 году, здоровье у нее всю жизнь было слабое.

Когда мы бываем в Петербурге, обязательно посещаем Пискаревское кладбище. Светлая память всем безвременно умершим! В моей душе до сих пор теплится надежда, что мы когда-нибудь узнаем, что случилось с моим дядей – Батовым Василием Ивановичем.

Батенина (Ларина) Октябрина Константиновна
Мы вступили в народное ополчение

Октябрина Константиновна уехала из Ленинграда во время войны, окончила философский факультет Московского университета, затем вернулась в родной город. Ее муж был слепым, и она всю жизнь помогала ему в научной работе – переводила с латыни, польского, читала книги, делала выписки в библиотеке, водила его на выставки и фильмы, помогала увидеть мир ее глазами.

Сейчас мне 88 лет, а к началу войны едва исполнилось 18. Я только что закончила школу № 107 на Выборгской стороне. 21 июня у нас был выпускной вечер, мы полночи прогуляли и потом проспали часов до 11. Утром я мылась на кухне, а в комнате меня ждала подруга. Мы с ней собирались ехать в ЦПКиО (Центральный парк культуры и отдыха), на Кировские острова. Вдруг она мне говорит, что по радио должны сообщить важное известие. Мы стали ждать. Вскоре Молотов обратился к народу, сказав, что на Советский Союз напали фашисты. Вот так я узнала о войне.

Был прекрасный день, и через открытую балконную дверь тюлевая занавеска надувалась от ветра, как парус. Еще накануне у меня было ощущение начала новой жизни – впереди университетские годы, вся жизнь… И этот летящий тюлевый парус остался в памяти как воспоминание о последнем мирном дне, о последнем мирном часе.

Вместо парка культуры и отдыха мы пошли в военкомат. Оттуда нас шуганули, поскольку у нас не было военной специальности, мы даже близко не смогли подойти – стояла большая очередь, пришло много мальчишек. Тогда мы надумали бежать в нашу школу. Во время финской войны там был госпиталь, и очень многое из оборудования еще осталось. Моя подруга подумала, что там будут снова устраивать госпиталь. И правда! Мы пришли, сказали главврачу, пожилому мужчине, что хотим что-нибудь сделать. Он послал нас выносить из классов парты, и мы вытаскивали их из всех комнат этого большого здания, устали до того, что я почувствовала во рту вкус крови. Так у меня прошел первый день войны.

Потом я все-таки пыталась попасть в военкомат, но это была инициатива на пустом месте, поскольку и зрение у меня было плохое, и стрелять я не умела. Я была максималисткой – ну как же, я же комсомолка, вот сразу побегу и стрелять начну. Но меня хорошо остудили в военкомате. Тогда я решила – ах так?! До этого я успела подать документы в университет, так я рванула туда, забрала их и решила идти на завод, поскольку было ясно, что с заводов рабочих заберут на фронт, а тут тоже кто-то должен работать. Я пошла на телефонный завод «Красная заря», который был шефом нашей школы. Меня взяли ученицей-монтажницей делать полевые телефоны. Мама у меня работала там же, но я пошла в другой цех, чтобы никто не подумал, что она мне помогает.

Через несколько дней было объявлено о создании отрядов народного ополчения. Я тут же побежала домой оставить маме записку, куда я ухожу, и встретила ее на лестнице. Она говорит: «А я иду за тобой, чтобы мы пошли записываться в народное ополчение». И мы вступили в народное ополчение. В школе, кажется в № 96 на Большом Сампсониевском, сделали казарму, ночевали мы там, дома практически не жили. Там тоже оставались кровати и столы со времен финской войны. Утром мы уходили строем на завод и работали до позднего вечера. Обедать нас водили в столовку напротив «Красной зари», там давали похлебку – водичку, в которой плавала какая-нибудь макаронина. После работы мы возвращались в казармы и там учились. Изучали телефон, азбуку Морзе, владение станковым пулеметом и винтовкой. Меня записали в отряд связистов – с моими физическими данными я больше никуда особенно и не годилась.

Ополчение просуществовало несколько месяцев, и осенью нас прикрыли. Кого могли, переводили в армейские части. Как-то я работаю, ко мне подходит дядька и трогает за плечо. Я говорю: «В чем дело?» А он говорит: «Наши все погибли». **Целый отряд из ополчения послали под Лугу, и почти все там полегли, этот мужчина был одним из немногих, кто вернулся. Уже в мирное время я приезжала под Лугу. Меня спрашивали: «Что ты все в землю смотришь?» А я говорю: «Ищу, где лежат наши ребята». Если бы меня послали с ними, тоже бы там лежала.**

8 сентября, когда горели Бадаевские склады, я вылезла на крышу. Мы гасили зажигалки, и я лазила почти ежедневно – мне было проще подняться наверх, чем спускаться с пятого этажа вниз, в подвал, куда нас всех загоняли. Вместе со мной на крыше сидел один парень, он помогал нашей дворничихе тушить зажигалки. И вот мы сидим на крыше, а перед нами синее пламя! Я очень удивлялась, почему оно такого цвета. Но красиво было, скажу я вам! Тогда мы еще не чувствовали голода, позволяли себе роскошь не выкупать что-то по карточкам. В магазинах стояли баночки с консервированными крабами, и никто не брал. Мы как-то не очень знали, что такое крабы, была селедка – и ладно. Яйца, масло, сахар были – а крабы – это как-то не про нас. И вдруг это все из магазинов смели!

Помню, я привела ребятишек, брата и двоюродного брата, в столовку. Мы взяли еду по карточкам, а братик, ему года три было, не доел котлетку, и потом, во время голода, он мне все говорил: «Ты помнишь ту котлетку? Дай мне ее». Брат ходил в очаг – так тогда назывался детский сад, на Выборгской улице. Это был особенный детский сад: за всю блокаду там не умер ни один ребенок, ни у одного ничего не украли! Заведующую Татьяну Яковлевну назначила в свое время на эту должность Надежда Крупская, и она взялась за это дело с таким энтузиазмом и ответственностью! Она говорила, что у нее могут умереть все сотрудники, но не умрет ни один ребенок. Хлеб, который им был положен, дети получали весь. В детских учреждениях давали не 125 грамм, а 150, заведующая делила этот хлеб на три части, и дети получали его трижды в день. Печка, старинная изразцовая, еще дореволюционная, всегда была горячая, к ней подходили по несколько детишек и грели спины и ручки. Погреется одна группа, потом другая, и затем их всех укладывали под одеяло. Мы приносили брату часть своего хлеба. Детский сад находился в большой коммунальной квартире, и на лестнице сидели бабушки и мамы, у которых не было сил подняться к ребенку. Некоторые так и умирали на лестнице. Брат выжил, сейчас он ученый, изучает низкие температуры, разъезжает по всему миру. И когда я на него обижаюсь, я в шутку говорю: «И зачем только я тебе свой хлеб отдавала?»

Мне было легче, так как я работала на заводе, многого не видела и не знала. Когда выходила из завода, то шла в булочную выкупать хлеб. До сентября на заводе еще кормили. Вырезали из карточек талоны на крупу, на мясо, а давали супчик, где плавала одна макаронинка. Я запомнила этот суп, поскольку как-то раз привела в столовую свою подругу, которая имела только иждивенческую карточку. Мы ели из одной тарелки и отталкивали эту макаронину друг другу: «Твоя карточка, ты и ешь!» – «Нет ты, ты голоднее!» Вот так и толкали ее обе, пока не размочалили ее вконец.

В сентябре и октябре еще было терпимо. Седьмого ноября по карточкам давали пирожные в «Норде», сейчас это кафе «Север» на Невском проспекте. У меня был выходной, и я с ночи стояла в очереди. Утром я выкупила эти пирожные, а потом оказалось, что они вовсе и не вкусные, сделанные из отмытого жженого сахара, который сгорел на Бадаевских складах.

Помню одного мужчину, который ходил в столовой и облизывал за всеми тарелки. Я поглядела на него и подумала, что он скоро умрет. Не знаю, может, он карточки потерял, может, ему просто не хватало, но он уже дошел до такого. Как-то я видела женщину, у которой украли все карточки, в том числе детские. Она каталась по полу и кричала, и никто ничем не мог ей помочь. Потом кто-то сказал, что ей надо идти в райком партии, может, там ей помогли. Но вот эта картина – как она катается по полу – осталась у меня в памяти на всю жизнь!

В конце января на хлебозаводах не было воды, и они не могли сделать хлеб. И вот представьте: люди получают всего 125 грамм, рабочие – по 250, и несколько дней вообще никакого хлеба! Тут-то народ много умирал.

В булочной было немножко теплей, чем в квартирах, в домах вообще был сплошной лед. Если у кого-то стояла печурка, можно было обогреваться, но мы печурку купили довольно поздно, где-то в феврале, когда перестали ночевать на заводе. Потом завод вообще остановился, поскольку не было электричества.

Мы топили буржуйку книгами. У кого была пила, тот мог распилить мебель, а у нас ее не было. Тут-то и выяснилось, какие книги самые ценные: сначала сожгли журнал «Крокодил», потом «Огонек», потом всякие научные, потом дошло дело до беллетристики. Кончилось дело тем, что у нас остались только классики марксизма и что-то из русской литературы. Перед тем как сжечь книги, я их читала. Когда на заводе не было тока и останавливалось производство, я сидела и читала. Меня спрашивали: «Ну что ты сидишь, глаза портишь при этой коптилке?» Я отвечала: «Я боюсь, что умру и так и не дочитаю Стендаля – „Красное и черное“, „Пармскую обитель“». Когда я взяла книжку «Последний из могикан», я сказала: «Вот интересно – последняя из ленинградцев сжигает „Последнего из могикан“». Я не очень жалела западную литературу, а немцев вообще сожгла первыми. В школе мы учили немецкий, и у меня были немецкие книги – их я сожгла сразу.

Весной я заболела, у меня была сильнейшая дистрофия. Мама вызвала врача, и он выписал мне бюллетень. Маме дали предписание уехать из Ленинграда. Она была довольно значимым партийным работником, и еще в начале войны ее хотели направить на организацию партизанской работы в области. Но кто-то из тех, кто ее посылал, вспомнил, что у нее есть маленький сын. Мама хотела, чтобы он остался со мной, но ей отказали. Это апрель, числа я помню плохо, в это время я уже довольно часто теряла сознание.

До Финляндского вокзала нас проводила одна женщина, которую мы наняли за хлеб, чтобы она довезла на саночках брата. Нас погрузили в плацкартный поезд – на вокзале до сих пор есть надпись, что «С этого перрона уходили поезда по Дороге жизни». Вагон был настолько переполнен, что одной ногой я стояла на полу, а другой на каких-то вещах. Ни прилечь, ни опереться нельзя было. А маму запихали в другой вагон. Потом меня спросили, почему я одна, и, когда я сказала, что мама в другом вагоне, меня выгнали. Я побежала по пустой платформе к тому вагону и услышала мамин голос. А проводница ее тоже внутрь не пускает. Брата запихнули, передали по людям, а нас не пускают! С мамой совсем плохо стало, она говорит: «Слушайте, что же вы делаете! Мы же потеряем трехлетнего мальчишку, он там, в вагоне! У нас ни вещей, ни документов – все там!» Проводница все-таки смилостивилась, и нас пустили. Мы простояли еще несколько часов и в этом вагоне, и только ночью поезд, наконец, поехал. Тихо-тихо, беззвучно, крадучись. Каждые 15 минут мы останавливались, и на остановках из вагонов выносили трупы и складывали вдоль дороги, и, когда мы доехали, в вагоне стало уже довольно просторно, можно было даже сидеть на полочке.

Рядом с нами сидела одна семья: папа, мама и двое детей – мальчик лет восьми и младенец. Маленький ребенок рот открывает-закрывает, стали искать врача, нашли какую-то женщину, а ребенок уже умер. И эта женщина сказала, что, если бы нашли ему хоть немного водички, он бы выжил. Он пережил всю блокаду, а умер на Дороге жизни. Мы сидели с мамой в разных концах вагона, я написала ей записку, что надо им как-то помочь. И мама отрезала кусочек от нашего пайка на несколько дней и передала по вагону в наш конец. Если бы я была режиссером, я бы сняла фильм: люди передавали этот кусочек ладонью кверху, и каждый говорил: «Я этот хлеб передаю» – и следующему. Несколько минут хлеб кочевал по вагону, и представляете – голодные умирающие люди, и никто не откусил, не утаил ни крошки! Я была счастлива, что мы могли помочь хотя бы старшему брату этого умершего младенца.

Когда поезд доехал до Кабоны, все вышли. С собой в школьном портфельчике у меня были только фотографии и документы. Мама говорит: «У нас с тобой вещи в вагоне остались». Я говорю: «Да ну их, что мы без смены белья не проживем?» И мы ничего не взяли. Потом нас посадили в открытые грузовики, и мы кое-как проползли по Дороге жизни через Ладогу, колеса были все в воде.

Затем мы поехали в Алма-Ату. Еще до блокады в Ленинграде висело обращение казахского акына: «Ленинградцы – братья мои! Ленинград – гордость моя! Ближе брата, ближе сестры Ленинграду Алма-Ата!» Вот мы и решили, раз мы им ближе брата и сестры, поедем в Алма-Ату. По приезде мама как партийный работник пошла в райком партии устраиваться на работу. Когда там узнали, что мы из блокадного Ленинграда, все забегали – кто стакан кипятка несет, кто конфетку, кто что. Жена одного из генералов очень хорошо организовала там питание блокадников.

После приезда я провалялась в нескольких больницах – сначала с дистрофией, потом с тифом. Оттуда уже я поехала в Москву поступать в университет. Это был 1943 год.

Беляева Валентина Владимировна
Я не боялась смерти!

Мое детство закончилось в 10 лет. С началом войны отец сразу же ушел добровольцем на фронт, а мы с мамой и бабушкой остались в Ленинграде. Мы жили рядом с Московским райсоветом в окружении крупных предприятий, которые выпускали оружие, танки, обувь, – словом, все для фронта. Немцы знали об этом, поэтому и бомбежки были целенаправленными. Поначалу с сигналом тревоги мы еще спускались в бомбоубежище, а потом сил не осталось совсем.

Мама работала на фабрике «Скороход» и была на казарменном положении, приносила нам с бабулей паек (2 кусочка хлеба по 125 грамм) и строго наказывала принимать как лекарство – по частям, которые она сама нарезала. Бабуля почти все отдавала мне и в феврале 1942 года умерла от голода. Два дня я лежала в пустой холодной квартире одна с мертвой бабушкой, пока не пришла мама и на саночках не увезла труп на кладбище. Я маме помогала завернуть бабушку в простыню и спустить с 4 этажа вниз. Мое здоровье подорвалось, я заболела воспалением легких и лежала, закутавшись во все, что мама могла найти. Я не боялась смерти и, чтобы занять себя, считала секунды, складывая в минуты и потом в часы. Ждала включения радио, оно стало для многих изможденных ленинградских ребятишек членом семьи, добрым другом.

В сентябре 1942 года я пошла в школу, в 3-й класс. На уроках литературы учительница Александра Ивановна рассказывала о долге и ответственности перед Родиной. Мы верили в победу. Помню, как увидела в последний раз отца, заскочившего домой на несколько минут, когда его полк переводили на другую линию фронта. При прорыве блокады в 1943 году отец погиб.

Весной 1943 года нас, школьников, посылали копать траншеи на Пискаревке. И теперь я никогда не забываю в памятные даты обязательно возложить цветы и помянуть тех, кто лежит в земле Пискаревского мемориала.

Блат Зинаида Моисеевна
Меня откинуло воздушной волной к стенке!

Наш дом был огорожен металлическим заборчиком, там росла акация, липы, дикие яблони. Когда началась блокада и голод, мама рвала в этом саду лебеду, крапиву, листья липы, смешивала их с чем-то и пекла что-то вроде булочек. Мама была запасливой женщиной, у нас дома хранилась картошка, квашеная капуста.

До войны папа построил сарайчик, мы держали там кур и зерно для корма, и вот за счет этих кур и зерна мы и выживали. Рядом с моей школой находились скотные дворы, люди держали там коров. Когда началась война, кормить их стало нечем, надо было резать. В городе остались в основном женщины, и они просили резать скот моего папу, давали взамен какие-то куски.

В столовую привозили баланду – воду, разбавленную мукой. Мама брала бидон этой баланды, кидала туда что-то от курицы, овес или еще что-то, вот так мы и питались.

Часть еды я носила моему дяде, маминому брату. Было холодно, идти приходилось далеко. У брата было трое дочерей, одна из них девятимесячная, жена и мать, и я предложила родителям взять эту маленькую девочку к нам. Они согласились. Я пошла к брату, и, когда проходила мимо трамвайной остановки, где стояли люди, началась воздушная тревога. Спрятаться в бомбоубежище мы не успели, начался обстрел. Многих убило – кому голову снесло, кому что. Меня откинуло воздушной волной к стенке.

Через неделю я снова пошла к дяде навестить девочек, прихожу, а мне говорят, что их отправили в госпиталь с дизентерией. Я пришла в больницу, а они уже умерли. Дядя умер еще накануне, его тело завернули в одеяло и положили во дворе к стенке – так тогда хоронили. Тогда многие бросали трупы прямо на улицах, в сугробах, чтобы сохранить карточки умершего.

Блюмина Галина Евгеньевна
Мы помогали взрослым гасить зажигалки

Когда немецкие войска вплотную подошли к Ленинграду, мне только исполнилось 11 лет. Из немецких окопов на окраине города была видна конечная остановка трамвая – так нам говорили в те дни по радио. Это было в сентябре 1941 года, а до этого город подвергался постоянным обстрелам и бомбежкам. В те дни мы в школу уже не ходили, а жили в бомбоубежище, в подвальном помещении нашего дома.

Во дворе нашего дома на Васильевском острове, на 9-й линии, находилась зенитная батарея с бойцами. Она все время стреляла по самолетам, которые сбрасывали зажигательные бомбы на крыши домов. Город был замаскирован сетками, чтобы с самолетов не было видно, где находятся самые главные памятники и мосты. Это Зимний дворец – Эрмитаж, Адмиралтейство, Петропавловская крепость, Невский проспект, Исаакиевский собор и многие другие. В домах создавались детские бригады, которые помогали взрослым гасить зажигалки. **Мы были в брезентовых рукавицах и в защитных касках на голове, так как зажигательные бомбы пробивали крыши, падали на чердак и крутились, как волчок, исторгая из себя море искр, вызывая пожар и освещая огнем все вокруг. Мы – дети с 10 лет и старше – брали в рукавицах бомбы и выбрасывали их в окна чердака на брусчатку двора (тогда асфальтированных дворов еще не было), где они тухли.**

По приказу горисполкома надо было разбирать сараи, находившиеся во дворах домов, так как на Васильевском острове в ряде домов было печное отопление. Взрослые и дети выходили во двор и работали там до темноты, разнося доски и дрова в квартиры. Наша мама освободила целиком одну комнату, которую мы заполнили дровами. Это, скорее всего, и спасло нас от гибели, так как мы были хоть и голодные, но жили в тепле – буржуйка топилась у нас круглосуточно. А нас было 6 человек в семье – папа, мама и четверо детей, младшему из которых было 4 года.

В начале войны многие школы и детские сады выехали на Валдай и в окрестности Ленинграда, чтобы переждать бои. Все без исключения люди считали, что война вот-вот кончится, ведь между СССР и Германией был подписан мирный договор о ненападении. Но этого не случилось, и наши родители приехали в сентябре последними составами, чтобы забрать нас домой. Эти два месяца, пока нас не было, наша мудрая мама доставала продукты по завышенным ценам, где только могла, так как четверых детей нужно было кормить каждый день. Горели от бомбежек Бадаевские склады, сахар тек, пропитывая землю, и все жители города собирали этот сахар вместе со снегом и землей.

В пригороде оставались неубранными колхозные поля. Мы с мамой ходили туда и собирали картошку, брюкву, свеклу, капусту и турнепс. Мои родители работали в то время на заводе им. Калинина, папа – инженером, а мама – товароведом. С начала войны у папы была бронь, то есть от военной службы он был освобожден (у него были больные легкие), но на рытье окопов он уехал. А через месяц отца привезли домой, он начал кашлять кровью, так как сильно там простудился. Положили его в больницу, но кормить больных там было нечем. Мама его выхаживала в больнице, но, когда отца выписали, он был очень слабый.

Все мы пухли от голода и слабели с каждым днем. Запасы маминых продуктов давно кончились, а пополнять их было нечем. Собирали во дворе грязный снег и делали из него чистую воду. Ежедневно кипяток и 125 граммов хлеба на одного человека. На продуктовые карточки ничего не давали. К тому же в тот год была удивительно суровая и снежная зима. В бомбоубежище мы уже не спускались, не было сил, лежали на кроватях в одной комнате, где теплилась буржуйка.

В один из дней мама нам сказала, что у нее нет больше сил бороться и так жить, что мы затопим буржуйку, закроем трубу и ляжем спать, чтобы утром не проснуться. Это была бы самая легкая смерть – мы все дружно согласились с ней. **Спорил лишь отец, который не хотел умирать. Прямо при нас он сказал маме: «Мы с тобой должны жить, и поэтому все те продукты, что дают нам на всю семью, должны съедать мы, а дети у нас еще будут». Это было очень жестоко, от голода у него помутился рассудок. Но мама с отцом не согласилась, мы все были ей очень дороги.** Моему отцу в тот момент было 43 года, а маме 37 лет.

И в этот день к нам пришли люди, которых прислали с завода известить маму и папу о том, что нас эвакуируют на Большую землю.

С Финляндского вокзала отходили поезда в сторону Ладожского озера, по Дороге жизни. Но до этого надо было набраться сил и добраться до завода пешком, чтобы выписать на всех нас документы на дорогу. Папа еле оделся, так как он был очень болен и слаб, и ушел. Пришел ночью с документами, мы взяли большие санки у дворника и отправились на вокзал. В санки мама сложила кое-какие вещи, которые мы потом в дороге меняли на продукты.

Но вот мы отправились в эвакуацию и добрались до станции Ладожская. Папа встретил шофера с завода, и тот помог нам перебраться на ту сторону по льду, на его машине. **Сверху очень хорошо днем и ночью просматривалась эта дорога, немцы бомбили ее, а воронки припорашивало снегом, и их было не видно. Мы чудом уцелели – перед нами машина угодила в воронку и ушла под лед вместе с людьми.** Мы добрались до противоположного берега, и там нас поместили в бараки в ожидании поезда на Большую землю. Это были теплушки для перевозки скота.

В каждом вагоне были нары и буржуйка, правда, без дров. Дрова на остановках мы должны были добывать сами. На вокзале станции Жихарево нас накормили горячим обедом. Он состоял из ячневого супа, ячневой каши с бараниной и хлеба. К тому же каждому давали по одному куску сырокопченой колбасы и по одной плитке шоколада. Люди съедали все это сразу и тут же умирали, так и не поняв причины страшных мучений. Опять же наша мудрая мама, получив все это, послала отца за кипятком. Он не пошел – боялся, что она все это съест сама, и даже полез с ней драться, отбирать еду. На все это было очень тяжело смотреть. Две мои старшие сестры взяли бидон и принесли кипяток. Мама разводила одну ложку выданной каши с кипятком и каждый час кормила нас. Ведь баранина – очень тяжелое мясо даже для здорового человека.

Посадили нас в теплушки, из всех щелей дуло и сквозило, а единственная буржуйка, стоявшая посреди теплушки, не могла обогреть всех людей. На остановках, разъездах, когда поезд останавливался, наиболее здоровые бежали в лес за хворостом для печки. Иногда в такие моменты состав трогался без предупреждения, и люди, измученные голодом, отставали от поезда. Так и моя мама через 10 дней пути, решив выменять немного картошки, отстала от поезда. Догнала она нас через сутки, счастливая и с картошкой в подоле – ее подобрал воинский эшелон с ранеными, которых везли в тыл.

Папа лежал на нарах, больной и слабый. Старшая сестра, которой было восемнадцать, заразилась в поезде сыпным тифом и лежала с высокой температурой. Мама увидела все это и сказала, что мы выходим на ближайшей станции. Это была станция Свега Кировской области, где мама нашла начальника. Сестру и папу осмотрел доктор, а нас отправили за 10 км в деревню, в колхоз. А ведь конечным пунктом нашего маршрута была Казань, куда был эвакуирован завод им. Калинина.

Все мы стали работать в колхозе, зарабатывать трудодни. Денег нам не платили, но председатель выписал нам муку, картошку и другие продукты. Так я в 11 лет научилась запрягать лошадь – возила навоз на поля.

Папа выздоровел, да и сестра поправилась от хорошего питания. Отец уехал в Казань на завод, а мы остались. Но через три месяца папа опять приехал к нам, и снова он был очень сильно болен. Мама все вещи обменивала на продукты, чтобы кормить отца.

Когда война шла уже на территории Германии, мы стали собираться домой, но нас долго не пускали в Ленинград. Когда приехали, квартира наша была уже занята. В 1945 году папа умер – ему было 47 лет. Сестра поступила в Институт железнодорожного транспорта, мама прописалась в общежитии от работы. Потом мы с сестрой вышли замуж за лейтенантов Военно-морского училища им. Фрунзе – так мы оказались в Севастополе. Здесь я живу уже 50 лет.

Богатырев Николай Федорович
Участвовал в прорыве блокады

Богатырёв Николай Фёдорович в начале Великой Отечественной войны служил на полуострове Гангут (Ханко) в составе отряда моряков и участвовал в его обороне. После эвакуации с полуострова – в обороне Ленинграда. В составе 136-й стрелковой дивизии, образованный из 8-й морской бригады, участвовал в прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года. Был ранен. Позднее сражался за освобождение Эстонии. В 1945 году участвовал в боях по освобождению Венгрии, Австрии и Чехословакии. После войны Н. Ф. Богатырёв работал в народном образовании и на партийной работе.

Богданов Юрий Иванович
Мы несли вахты на крышах

Мой отец был летчиком, а мать – врачом. Когда война началась, родители ушли на фронт, и я в возрасте 10-ти лет остался с бабушкой. Жили мы на Васильевском острове.

Вместе со сверстниками я тоже оборонял город от фашистов. Мы несли вахты на крышах, тушили зажигалки, вычисляли шпионов-ракетчиков. Когда мы выявили 15 ракетчиков, нас наградили. В 11 лет я получил медаль «За отвагу».

Днем мы работали – обтачивали болванки для снарядов, потом на фабрике Урицкого паковали махорку для бойцов на фронте. После трудовых смен ходили по госпиталям, ухаживали за ранеными и пожилыми ленинградцами.

Очень запомнился на всю жизнь «тракторный» Дворец Кирова. Там был ожоговый госпиталь. Мы ходили туда в 1942 и 1943 году, поили, кормили раненых, читали им письма, газеты.

Был там летчик Саша, ему перестала писать его девушка. Чтобы его поддержать, мы каждую неделю писали ему письма – якобы от нее. И он всегда ждал это письмо – оно было для него как лекарство.

В первый и второй год войны мы дежурили в булочной, чтобы никто не смог отнять у совсем ослабевших людей хлеб. Мы же провожали самых слабых до дома, брали у них бидончики и с Невы привозили воду. Находили дрова и топили буржуйки. Когда не было дров – топили книгами.

Во время тревог дежурили на чердаках, тушили зажигалки, ловили вражеских сигнальщиков. Обезвредили 15 человек.

В 1941 году умерла бабушка. Я получал на нее иждивенческую карточку. Не рассказал в ЖЭКе, что она скончалась, так она и лежала в нашей комнате до мая 1942 года.

Зимой мы собирались по 3 – 4 человека и на саночках ездили на Ладогу. Там иногда были убитые лошади, но солдаты туши забирали себе, а ноги оставляли. Вот поедем и пару ног привезем, потом в буржуйке осмолим их и варим.

В 1944 году я попал в школу юнг на Соловки, а затем был переведен в такую же школу в Кронштадт. После завершения обучения меня юнгой взяли на Балтийский флот на катерные тральщики. В 1945 году перевели в часть охраны водного района в Севастополь.

В ОВРе Черноморского флота я и прослужил 30 лет, сначала как моторист, позже – старшиной команды мотористов.

Корабли ОВРа воевали и после войны. Катерные тральщики месяцами планомерно разминировали севастопольские фарватеры, уничтожая вражеские якорные и донные мины. Корабль, на котором я служил, расчищал морские дороги на Одессу и Новороссийск, расправлялся с вражескими минами в бухтах главной базы. Части ОВРа главной базы ЧФ после войны постепенно начали пополняться новыми кораблями.

На малых противолодочных кораблях я прошел шесть боевых служб – все они были в Средиземном море. Боевые службы длились иногда до 8-ми месяцев. Если учесть, что бытовые условия были, можно сказать, никудышными, то легко представить, как трудно приходилось нашим морякам в горячей «средиземке».

Отслужив положенное, в звании мичмана ушел в запас. Работал в севастопольском порту сменным диспетчером.

Бок Екатерина Андреевна
Холодец с человеческими ногтями

Моя бабушка, Екатерина Андреевна Бок, рассказывала, что люди в блокаду умирали везде: в подъездах, на улицах… У нее самой отец умер голодной смертью, но его жена, бабулина мама, сумела договориться и похоронить его в чужом склепе на Волковском кладбище… А еще она говорила, что на рынке продавали холодец с человеческими ногтями… жутко даже представить себе весь этот ужас, который пришлось ей пережить…

Болдырева Александра Васильевна
Я чуть не стала мясом для котлеты!

Наша семья не эвакуировалась, мы остались в Ленинграде. Голод пришел с первых же осенних дней, ведь запаса продуктов у нас не было никакого, за исключением одного мешка зеленых капустных листьев, которые мы с мамой собрали после уборки овощей на полях.

Пришла зима, и стало совсем плохо. 125 граммов хлеба надо было разделить на 3 раза. И вот эта третья часть хлеба (вернее, того, что называлось хлебом) и большая чашка подсоленной воды – такое питание было у нас всю зиму.

Зимой 1941 – 1942 годов в школу мы не ходили, так как помещение не отапливалось. Как только наступало раннее утро, я сразу же шла в булочную, чтобы получить свою порцию хлеба. Когда я ложилась спать, то представляла, что в комнате стоят шкафы, а на полках лежат буханки хлеба. И с этой мыслью засыпала.

К весне мое состояние ухудшилось, появилась отечность в ногах, ходить стало трудно, а потом и вовсе на второй этаж, где мы жили, приходилось подниматься ползком по ступенькам.

Однажды наша соседка по квартире предложила моей маме мясные котлеты, но мама ее выпроводила и захлопнула дверь. Я была в неописуемом ужасе – как можно было отказаться от котлет при таком голоде. Но мама мне объяснила, что они сделаны из человеческого мяса, потому что больше негде в такое голодное время достать фарш.

Однажды я сама чуть не стала мясом для котлеты. Это было в начале зимы, видно, я еще не сильно отощала. Когда я возвращалась домой из булочной, за мной увязались двое. Из их разговоров я слышала: «Смотри, эта девочка, видно, не с пайка живет». Они стали меня звать с собой, но хорошо, что рядом шли другие люди, да и дом наш был совсем близко.

Кое-как мы дожили до весны. Все очень ждали появления травы, из которой потом мы делали и суп, и борщ, и лепешки. В мае школьников прикрепили к столовой, и мы ходили туда питаться. Кормили нас, в основном, соей. Суп соевый, лепешки соевые и молоко соевое. Мама моя не выжила, умерла в конце мая.

Воспоминания и эпизоды перед глазами встают только страшные. Рядом с нашим домом была больница, из окна был виден большой сарай – морг, к которому каждый день подъезжала машина, и в нее как дрова забрасывали умерших от голода людей. Когда пришла весна, и стал таять снег, открылась вся антисанитария. За зиму много покойников было брошено в траншеи, у людей не хватало сил довезти тела до кладбища.

И все-таки мы дожили до долгожданной травы, это было наше спасение. Люди стали копать огороды, сажать овощи, используя каждый кусочек земли. Еще было много трудностей, но самую страшную зиму мы пережили.

А позже пришло время, когда наш город освободили от блокады. Это была безграничная радость. Мы выжили.

Бордюкова Светлана Владимировна (Кромачева)
Мое блокадное детство прошло в госпитале

Родилась 02.02.1942 в городе Ленинграде.

Мое блокадное детство прошло в госпитале, где мама работала медсестрой. Во время войны наш дом был разрушен, поэтому нас приписали к госпиталю и обеспечили всеми видами довольствия.

Мама сутками находилась на операциях, а за мной присматривали легкораненые. Они носили меня из палаты в палату, поэтому, когда моя мама освобождалась, ей приходилось искать меня по всему госпиталю.

После снятия блокады в 1944 году госпиталь эвакуировали. Наш состав подвергся бомбежке на станции Бологое. Дальше мама решила не ехать, так как в 40 километрах от Бологое, на станции Баталино, жили ее родители.

Там я в семь лет пошла в первый класс. В 1950 году мы вернулись в Пушкин, и я стала учиться в местной школе. Окончив техникум общественного питания, устроилась на работу поваром. Также работала на заводе «Электросила».

Бриллиантова Ольга Николаевна
Я занималась эвакуацией детей

В воскресенье 22 июня была хорошая погода. Я помогала делать маме прическу – завивала локоны. Тут вбегает сосед: «Объявили войну!» У меня на щипцах локон сожженный так и остался.

После 22 июня начались разговоры об эвакуации, о бомбежках. Я не помню первую бомбежку в городе, но запомнила, как в сентябре сгорели продовольственные Бадаевские склады.

Меня призвали в райком комсомола, и я занималась эвакуацией детей из Ленинграда. Нас было несколько человек, каждому давали свой участок. Мне надо было охватить всех детей в Куйбышевском районе. Не все родители хотели расставаться с детьми, были и проклятия. Как-то один эшелон с эвакуированными детьми немцы разбомбили, а со второго они кое-как добрались пешком обратно в Ленинград.

Напротив нашего дома было бомбоубежище. Я видела, как мужчина вышел из него покурить, а в бомбоубежище попала бомба, и вся его семья – жена и двое детей, все погибли, он остался один. Но в целом город больше страдал от обстрелов.

Карточки ввели, по-моему, еще в июле. Мы ходили с проверками по пунктам, где выдавали карточки, там шла определенная регистрация. К сентябрю у людей, которые не делали запасов, стало не хватать еды, а с ноября начался голод. В декабре уже массово начали умирать мужчины, в марте – женщины. В декабре, несмотря на то что на иждивенческую карточку давали всего 125 грамм хлеба, на служащую – 250 грамм, а на рабочую – 400 грамм, никаких других продуктов не давали вообще. Поскольку я работала в райкоме комсомола, у меня была рабочая карточка (по тем временам эта работа требовала много сил), а у мамы – иждивенческая. Люди ходили, как моя мама, занимать очередь в магазин в 4 – 5 утра. В 8 утра я ее подменяла, потом открывался магазин, и выяснялось, что ничего за ночь не завезли.

Приходилось ходить на рынок, менять вещи на еду. Покупали клей в плитках, одна плитка столярного клея стоила десять рублей, тогда сносная месячная зарплата была в районе 200 рублей. Из клея варили студень, в доме остался перец, лавровый лист, и это все добавляли в клей. Хлеб купить на рынке было почти невозможно, так дорого, хотя, вообще, его продавали. Торговали хлебом около булочных, меняли на вещи, вот я тоже меняла. Все, что было в доме хорошего, все сменяли на еду. Вещи клали на землю, люди смотрели и на что-то там меняли. Как раз перед войной мне подарили шифоновый отрез на платье, очень красивый, его я поменяла на две столовые ложки собачьего жира. У меня было колечко, сережки – все пошло на обмен. Мамину брошь с сапфирами и бриллиантами мы отдали нашей знакомой, и она четыре раза передавала нам по полкило хлеба, в целом получилось два кило хлеба.

Поленья было найти сложно, так что сожгли всю мебель. У нашего дома стоял дровяной склад, и то ли из-за диверсии, то ли осколок попал, но все наши дрова сгорели. Это был декабрь, дома оставаться было очень страшно, и мы собрали документы в маленький чемоданчик, стояли во дворе и смотрели на пожар.

Уже с декабря начали возить саночки с умершими, вы, наверное, видели такие кадры. Транспорта не было, ходили пешком, все было завалено снегом. Идет по улице человек, качается, прислонится, потому что идти дальше нет сил, да так и остается. Трупов на улицах было очень много, их собирали и увозили.

Помню, как-то началась бомбежка, я была на улице Марата. На проезжей части лежала женщина, которую убило осколком, у нее откинулось пальто, и было видно, что вырваны куски мяса и торчали кости. Эту картинку я запомнила навсегда.

В первых числах апреля я получила повестку из военкомата, и меня призвали на фельдшерское обучение. Нас стали готовить к отправке на фронт, обучали во Дворце работников искусств, сейчас это Дом актера. Распорядок дня был такой: утром приходим на завтрак, после завтрака шла строевая подготовка во дворе. В Михайловском саду учились ползать по-пластунски, это потом нам очень пригодилось. После строевой подготовки нас вели в Карельскую столовую, там стоял огромный стол, и мы учились разбирать и собирать станковые пулеметы и револьверы. Потом нас вели обедать в ресторан «Москва», к которому мы были прикреплены, на углу Невского и Владимирского проспектов. После обеда мы, девчонки, шли работать: разбивали ломом лед, чистили улицы, вывозили мусор на санках. К 20-м числам мая мы закончили уборку нашего района.

Когда мы закончили обучение, нас стали распределять по частям. Я попала в 90-ю Краснознаменную стрелковую дивизию. Мама у меня уже не поднималась, я сказала в военкомате, что не могу оставить ее одну. Мне дали бумажку с разрешением, и 29 мая мы с соседкой отнесли ее на носилках в «Октябрьскую» гостиницу напротив Московского вокзала, там размещался стационар для родных военнослужащих. 30 мая нас собрали и повезли на почтово-полевую станцию Ленинградского фронта.

Бубненкова Александра Тимофеевна Когда мама везла дедушку на кладбище, провалилась в Неву

Моя мама Бубненкова Александра Тимофеевна рассказывала, что они работали на оборонном заводе вместе с сестрой моего отца Бубненковой Клавдией Константиновной, с мамой жила моя старшая сестра Бубненкова Зоя Борисовна, ей было три года, и родители моего отца. Дедушка умер там же, его похоронили в общей могиле и, когда мама везла его на кладбище, провалилась в Неву. С тех пор у нее страшно болели ноги, а бабушка умерла по Дороге жизни через Ладожское озеро, тетя после блокады ушла на фронт. Мама никогда не рассказывала, наверное, не хотела говорить про ужасы. Родители мои и тетя уже давно умерли, а сестра жива и почти здорова.

Бубнов Григорий Михайлович
Самый печальный месяц

У меня нет ни одного позитивного впечатления о войне и блокаде, все только страшные. Мы жили в Люблинском переулке, в доме № 7, квартира 14. Я был тогда совсем маленький и ходил в детский сад. Однажды воспитатели вывели нас из-за столов прямо во время обеда. Как мне потом рассказала мама, вскоре в это здание попала бомба. Это было около Египетского моста.

После того как садик разбомбили, я оставался дома один. У семьи не было никаких возможностей куда-нибудь меня определить. Апрель 1942 года стал самым печальным месяцем для нашей семьи. 16 апреля на Балтийском заводе умирает мой отец. 20 апреля умирает его родная сестра, моя тетя. В конце апреля – начале мая умирает мой дед. Большую часть блокадных дней мне пришлось коротать наедине с черным репродуктором. Мама круглосуточно работала в морском порту телефонисткой. Во время тревоги, если мама была дома, она брала меня на руки и вставала между дверей.

Когда блокада была снята, мама взяла меня на салют. Мы наблюдали его у Базового Матросского клуба на площади Труда.

Когда наши войска возвращались с победой и шли от Нарвского проспекта в сторону Невского, мы с мамой встречали их напротив Никольской церкви.

Буй Ольга Павловна
Мы их помним!

Моего дедушку звали Буй Даниил Павлович. Его старшая сестра Буй (девичья) Ольга Павловна во время блокады жила в Санкт-Петербурге. Она родилась в Белоруссии, в Минской губернии, в Новогрудском уезде, д. Долгиново. Во время Первой мировой войны долгое время фронт стоял между Турцом и Кореличами. И, может быть, поэтому в Белорусском национальном историческом архиве не сохранились метрические книги турецкой церкви. Возможно, они хранятся в Санкт-Петербурге.

В 1939 году, после освобождения Западной Белоруссии, дедушка получил письмо из Ленинграда. Ольга Павловна писала, что у нее три взрослые дочери. Дедушка послал домашних продуктов. В ответ Ольга Павловна прислала деньги. Тогда дедушка пошел на рынок, купил продукты и послал еще одну посылку. А потом была война. Дедушка умер 3 июля 1942 года, на 54-м году жизни от сердечного приступа. Деревня Долгиново сохранилась, и сохранился адрес Ольги Павловны. На письмо в Ленинград пришел ответ, что все умерли. Писал тот, кто знал. Мы их помним.

Букуев Владимир Иванович
Над ленинградом стояло зарево от горящих продуктов

Владимир Иванович закончил Ленинградский военно-технический техникум по специальности «радиоэлектроник», отучился в Ленинградском зенитно-артиллерийском военном училище. В 1959 году закончил Киевскую академию противовоздушной обороны Сухопутных войск по специальности «инженер по радиоэлектронике». После окончания академии преподавал в ней 20 лет на должности старшего преподавателя. 30 лет прослужил в Советской армии, вышел в отставку с воинским званием инженер-полковник. Кандидат технических наук, доцент, участник боевых действий. Пишет стихи и песни. В настоящее время проживает в Киеве.

Я, Букуев Владимир Иванович, родился в городе Ленинграде 17 июля 1931 года в семье служащего. Мой отец Букуев Иван Васильевич ушел на фронт 23 июня 1941 года и воевал всю войну. Я, моя мать Букуева Наталья Петровна и моя младшая сестра Татьяна не эвакуировались, хотя у нас была такая возможность. Мы жили в Выборгском районе вблизи Финляндского вокзала, в Ломанском переулке, с нами в квартире проживала моя тетя, которая была моей крестной матерью, и моя бабушка.

Блокада Ленинграда продолжалась 900 дней: с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года, два с половиной года. В памяти хорошо сохранились все ужасы блокадной жизни. Я и моя сестра выжили в блокаду благодаря нашей матери, которая была мудрой и энергичной женщиной.

Июль и август 1941 года мы жили в сельской местности под Ленинградом, пили много молока и ели собранные в лесу ягоды, особенно землянику. Это помогло в дальнейшем нам выжить в блокаду.

8 сентября 1941 года немцы разбомбили крупные продовольственные Бадаевские склады, и трехмиллионное население города было обречено на голодное вымирание. Над Ленинградом стояло зарево от горящих продуктов. Я хорошо запомнил это событие, поскольку был день именин моей матери.

До начала блокады мы успели сделать небольшие запасы муки, крупы, сахара и овощей (три ведра картошки и три ведра квашеной капусты), мать сварила ягодное варенье. Съедая понемногу, нам удалось растянуть этот запас продуктов на полгода, с ноября по май.

В комнате, где мы жили, было тепло, так как в квартире стояла печь, и в подвале дома всегда имелся большой запас дров. Еду – жидкую похлебку без жиров и мяса – варили в солдатском котелке в печке, разжигали самовар и постоянно пили горячий кипяток. Тепло в комнате и наличие горячей воды очень помогли нам выжить.

У нас с матерью в результате длительного голодания началась дистрофия. **Помню, как пугало меня мое отражение, когда я смотрел в зеркало. Я выглядел маленьким тощим старичком с глубоко ввалившимися глазами и скулами, с висящей на лице, руках и даже на пальцах кожей. Через кожу отчетливо проступали кости. Однажды в конце декабря 1942 года, вынимая котелок с похлебкой из печки, я сильно обжег руку о раскаленную дверцу. В городе не было лекарств, а я был истощен, так что ожог не заживал полгода, а шрам, «блокадное клеймо», остался на всю жизнь.**

Особенно страшной, голодной и холодной была первая блокадная зима 1941 – 1942 годов, когда норма хлеба на одного блокадника с ноября составляла в сутки 125 грамм для детей и иждивенцев, 250 грамм для рабочих. Другие продукты мы почти не получали. В январе 1942 года суточную норму хлеба увеличили на 75 грамм, узнав об этом, я плакал от радости.

Тетя Маруся, родная сестра матери, и бабушка Наташа жили в других комнатах нашей квартиры и питались отдельно от нас. У тети был гораздо больший запас продуктов, но с нами она не делилась и в отличие от нас не голодала. Она работала старшим дворником при домоуправлении и имела существенный доход (в это время умирали целые семьи). Мои родные по отцу, тетя и дядя, который был моим крестным, работали на хлебозаводе и поэтому не голодали, но за всю блокаду ни разу не помогли нам продуктами питания.

31 декабря 1941 года наша мать откуда-то принесла домой маленькую елку. Мы установили ее в нашей комнате и нарядили самодельными елочными игрушками, сохранившимися у нас с довоенных лет. На ветвях елки укрепили маленькие свечи в специальных елочных подсвечниках, похожих на бельевые прищепки, – об электрических елочных гирляндах тогда еще не имели представления. На елку мы также повесили несколько маленьких кусочков хлеба и сахара. Ровно в полночь мать зажгла на елке свечи, и мы встретили Новый год, выпив горячего кипятка и съев свои порции хлеба и сахара, висевшие на елке. Свет горячих свечей разогнал сумрак от слабо горящей коптилки – привычного осветительного прибора блокадного времени. Коптилка представляла собой зажженный маленький фитилек, опущенный в баночку с керосином. В комнате стало светло, а на душе радостно. Но хотя окно комнаты было зашторено маскировочным затемнением, чтобы свет из комнаты не проникал на улицу, мы вскоре погасили свечи, чтобы сохранить их на будущее, и комната опять погрузилась в сумрак. Вскоре я и мать заснули. Это была первая блокадная ночь, которая прошла спокойно, без бомбежек и обстрелов. Последующие новогодние ночи проходили так же спокойно, хотя в течение 30 месяцев блокады немцы систематически бомбили и обстреливали Ленинград.

23 февраля 1942 года по радио объявили, что наступил День Советской Армии, и на улицах были вывешены флаги. На улице я увидел лошадей, запряженных в сани, на них лежали мешки с продуктами, которые везли на продовольственный склад, расположенный вблизи нашего дома. Вдруг я заметил, что из некоторых мешков высыпаются крупинки пшенной крупы. Тогда я быстро принес из дома стакан и столовую ложку и, ползая на коленях за лошадиным обозом, стал ложкой собирать крупинки пшена. Мне удалось собрать полстакана, и я принес свою драгоценную добычу домой. Мы сварили в печке в солдатском котелке пшенный бульон и с удовольствием съели. После этого я и мать стали мечтать, как после войны мы будем досыта есть пшенную кашу с подсолнечным маслом.

Я написал следующее четверостишие:

Я жил в военном Ленинграде
И голодал тогда в блокаде,
Боясь голодной той беды.
С тех пор я славлю культ еды.

Зимой 1941 – 1942 годов жители Ленинграда ели все, что было можно съесть: технические масла, олифу, специи, вазелин, глицерин, всевозможные отходы растительного сырья (кожуру от подсолнечных семян), мучной клей от обоев, переплетов книг, вываривали кожаные ремни и даже меховые шубы и шапки. Съели всех канареек, попугаев, кошек и собак. Были зафиксированы случаи людоедства – я неоднократно видел на улицах города человеческие трупы с отрубленными ягодицами, а на черном рынке продавали студень из человеческого мяса. И, даже зная это, люди покупали его.

Однажды весной 1942 года мать купила нам на черном рынке три блина по 25 рублей за штуку. Черный рынок в Ленинграде работал всю блокаду, там можно было купить что угодно, но цены были очень высокие. Блины были белоснежные, но толщиной с бумажный лист. Они оказались очень вкусными и прямо таяли во рту. Я отрывал маленькие кусочки от своего блина,

клал в рот и подолгу сосал, пока кусочек полностью не растворялся. Незадолго до этого случая мать испекла нам оладьи из вымоченного горчичного порошка. Оладьи были очень горькие, но с большим трудом мы их все же съели.

Транспорт в городе не работал. На улицах не было освещения, в дома не подавалась вода, электричество и паровое отопление, канализация не работала. Для отправления естественных надобностей пользовались ведрами, а нечистоты сливали в канализационные люки во дворах домов. Воду для приготовления пищи возили на санках с Невы за несколько километров от дома, для умывания растапливали снег, собранный на улицах.

Для пополнения запаса дров ломали заборы, сжигали домашнюю мебель и паркет. Жители, имевшие паровое, а не печное отопление, устанавливали в комнатах маленькие железные печки с отводом дыма через трубу в форточку – буржуйки. Буржуйки практически не сохраняли тепло и не обогревали помещение, а только давали возможность согреть воду.

Вой летящих при артобстрелах фашистских снарядов и грохот взрывов сохранились в моей памяти навсегда. При бомбежках содрогалась земля и стены зданий. Я неоднократно помогал взрослым тушить зажигательные бомбы, сброшенные с немецких самолетов во двор нашего дома, поднося песок.

В дом, где я жил, попал снаряд и разорвался под окном нашей комнаты. Осколками были изрешечены все стены и потолок, пол засыпало битым стеклом и землей, а раму взрывной волной забросило на середину комнаты. Мы чудом остались живы и невредимы, поскольку спали у стены.

В этот период в подвале нашего дома и на улицах нашего города я видел большое количество окоченевших, занесенных снегом трупов, которые не убирали до весны. Много трупов лежало в неотапливаемых квартирах – вымирали целые семьи. Весной силами оставшихся в живых ленинградцев была организована уборка всей территории города, и все трупы были похоронены.

В это же время ленинградцам выдали рассаду овощей – картофеля, капусты, кабачков, огурцов, помидоров, которую высаживали на грядках в скверах и дворах, сняв булыжное покрытие. На таких дворовых и парковых огородах ленинградцы продолжали выращивать овощи все годы блокады, а в пригородах Ленинграда – и после войны. Весной и летом жители города также ели крапиву, лебеду, одуванчики и другие травы, молодые листья деревьев.

Летом 1942 года я, мать и сестра жили два месяца на станции Проба в 20 км от города, в домике подруги нашей матери тети Клавдии и ее сына Кости. Эта местность немцами не обстреливалась. Тетя Клавдия и Костя в блокаду не голодали, так как их домик находился на полпути от Ладожского озера до Ленинграда, и у них оставались на отдых водители грузовиков, доставлявших с Ладоги продукты в блокадный город. За отдых они платили продуктами питания.

Вокруг были леса и болота, в которых мы собирали ягоды и грибы. Ходить за ними приходилось ежедневно, в любую погоду, за 10 – 20 км. Сестра, которой тогда было четыре года, оставалась дома одна, запертая в маленькой комнате. С собой в лес мы брали немного хлеба, а на ночь ели грибы, сваренные с лебедой, капустой и мукой. В лесах и на болотах было очень много гадюк, но, к счастью, обошлось без их укусов, поскольку противоядий тогда не было. Собранные ягоды наша мать и тетя Клавдия раз в неделю отвозили на поезде в Ленинград, где продавали на рынке, а на вырученные от продажи деньги покупали немного хлеба, сахара и других продуктов. В дни этих поездок мы, дети, отдыхали от многокилометровых изнурительных походов за ягодами. Двухмесячное пребывание в пригороде, ягоды и грибы способствовали восстановлению нашего здоровья.

В 1942 году в дома ленинградцев подали воду и электроэнергию, в городе начали ходить трамваи. С января увеличили суточные нормы хлеба, в школах учащимся стали выдавать

небольшое количество соевого молока и соевой каши. Осенью 1942 года начали работать школы. Школьникам приходилось пилить дрова для отопления классов. В это время моя 94-я средняя школа Выборгского района взяла шефство над ранеными, находившимися на излечении в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Мы писали под диктовку письма родным раненых и читали им вслух.

В мае 1943 года после окончания 3-го класса мне дали похвальную грамоту «За отличные успехи и примерное поведение» на красочном бланке. Эту грамоту я впоследствии отдал в Музей обороны блокадного Ленинграда в Санкт-Петербурге в качестве экспоната.

В сентябре 1944 года я, как отличник учебы, был направлен с группой ленинградских школьников-блокадников в пионерский лагерь Артек на Южный берег Крыма. В Европе еще шла война, и любимыми занятиями у мальчишек были сбор и коллекционирование осколков от разорвавшихся снарядов и бомб. Тем, у кого были самые большие осколки, очень завидовали остальные ребята – дети всегда остаются детьми, даже на войне.

Зимой 1943 года от истощения и болезней умерла моя бабушка. Мать и моя тетя отвезли ее на санках на Богословское кладбище и похоронили рядом с моим дедом. В это время в Ленинграде уже не хоронили в братских могилах, как в предыдущую зиму. Мать устроилась работать санитаркой в Военно-медицинскую академию, и до конца войны с сестрой сидел я.

Всю блокаду в Ленинграде на улицах и в квартирах круглосуточно работало радио, по которому передавали сообщения о начале и окончании бомбежек, известия с фронта, литературные и музыкальные программы.

Блокада была прорвана в январе 1943 года у Ладожского озера в районе Шлиссельбурга, что позволило несколько улучшить снабжение продуктами питания, а полностью Ленинград был освобожден 27 января 1944 года. В городе по этому случаю был проведен торжественный салют.

После снятия блокады я видел около кинотеатра «Гигант» повешенных немцев. Зимой 1944 – 1945 годов, возвращаясь из школы домой, я также часто видел пленных, охраняемых нашими конвоирами. Они очищали от снега каток, и у них был очень несчастный вид. Мне их было жалко, и иногда я отдавал им оставшийся от завтрака хлеб, который они с благодарностью принимали и при мне съедали.

По расчетам немцев все жители и солдаты, защищавшие Ленинград, должны были умереть от голода и холода. Но Ленинград выстоял, разгромив немцев и отбросив их от своих стен.

Значение героической обороны Ленинграда летом и осенью 1941 года огромно – немецко-фашистская группа армий «Север» не только не захватила Ленинград, но и оказалась надолго скованной на подступах к городу, а это, в свою очередь, означало, что замысел плана «Барбаросса» перебросить войска на московское направление потерпел крах.

На мой взгляд, подробно и правдиво (утверждаю это как очевидец, переживший блокаду) изложена жизнь и быт блокадного Ленинграда в «Блокадной книге» Алеся Адамовича и Даниила Гранина.

Бураков Леонид Митрофанович
Воевал на балтийском фронте

Бураков Леонид Митрофанович воевал на Балтийском фронте. Капитан-лейтенант в отставке. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Был лучшим другом и школьным товарищем Героя Советского Союза летчика Сергея Литаврина. Леонид Митрофанович является автором картины «Последний залп», подаренной клубу «Подвиг» липецкой гимназии № 12. На ней изображен линкор «Октябрьская революция», на котором в дни блокады служили липчане Л. Бураков и В. Мигалкин.

Булацель Геннадий Сергеевич
Все ценные вещи и мебель были конфискованы НКВД

Родился 8 февраля 1931 года в Одессе в семье служащего. Моего отца звали Савченков Сергей Михайлович, он происходил из семьи донских дворян города Новочеркасска. При регистрации брака отец взял фамилию жены, которая происходила из княжеского молдавского рода. Брат отца, Михаил Михайлович, работавший после революции главным инженером Ростсельмаша, был арестован ЧК в 1923 году за якобы «контрреволюционную деятельность». Его расстреляли.

Отец матери, мой дед, Булацель Василий Александрович, – полковник Терского казачьего войска, происходивший из княжеского молдавского рода, – выехал в эмиграцию в Югославию, где в 1937 году умер в нищете в доме для престарелых эмигрантов.

После того как я родился в 1932 году, был арестован отец, который в ходе следствия в тбилисской тюрьме (Метехском замке) был подвергнут пыткам, заболел и был отправлен в психиатрическую клинику на станцию Удельная под Ленинград.

Все ценные вещи и мебель были конфискованы НКВД. Наша семья очень нуждалась – мы жили на бабушкину пенсию и маленькую зарплату мамы, работавшей счетоводом на дровяном складе.

Матери только в 1934 году дали паспорт, и в этом же году мы с матерью и бабушкой по приглашению сестры отца переехали в Ленинград, поселившись у нее. Мы надеялись, что отца по болезни освободят и мы сможем забрать его домой. Но нам с мамой позволили только один раз увидеться с отцом – фактически только тогда, в возрасте пяти лет, я впервые увидел папу и посидел на его коленях. Больше мы его не видели.

Сестра отца сумела выхлопотать нам комнатку с подселением на ул. Марата, д. 16, кв. 5, где мы жили с матерью и бабушкой. Затем к нам переехала сестра мамы с дочкой. Мы с двоюродной сестрой ходили в детский сад, затем пошли в школу.

Объявление о начале войны застало меня в парке на Кировских островах, где я гулял с тетей. Первые месяцы войны я еще учился в школе, в 4-м классе, занятия проходили в бомбоубежище. Мне было тогда 10 лет, и я еще не ощущал тяжести войны. Мы, подростки, лазили по чердакам во время бомбежек и смотрели, как заходят на бомбометание немецкие самолеты, собирали коллекции патронов, гильз, осколков бомб. Бегали смотреть военную технику, зенитные установки. И недоедание на меня до января 1942 года мало действовало, так как я был физически здоров.

ЖЭК Куйбышевского района организовал нас, подростков, по домовым комитетам тушить зажигательные бомбы. Это происходило так: когда бомба попадала на крышу и, пробивая ее, крутилась на деревянном полу чердака, прожигая его, то мы ее засыпали песком, а затем поддевали лопатой и опускали в кадушку с водой, после чего она становилась совсем безвредной.

Кроме того, **в мои обязанности входило обеспечение семьи дровами. В комнате стояла железная маленькая печка, на которой мы готовили и при помощи которой обогревались. А газ в дома уже не поступал, так как газовый завод разбомбили. Дрова мы с друзьями доставали из разбитых после бомбежки домов и из брошенных и вымерших квартир – на дрова шли стулья и мелкая мебель.** А мертвецов из квартир, где не оставалось живых, собирали бригады из комсомольцев, получавшие повышенный хлебный паек.

Помню, как горел газовый завод, было большое зарево. Затем после бомбежки горели Бадаевские склады.

Мы с двоюродной сестрой, ее матерью и бабушкой получали по 125 грамм хлеба, а моя мать, работавшая в роддоме им. Снегирева, получала 250 грамм хлеба. Запасов у нас не было, и было очень трудно. Мы превращали эту пайку в сухари, чтобы растянуть на день. Иногда на вещи удавалось выменять подсолнечный жмых, куски столярного клея. Воду часто привозили в посуде на санках с Фонтанки. К весне стало легче, так как собирали лебеду и варили из нее суп.

Сначала умерла бабушка, затем сестра матери, и мы увезли их на санках на кладбище. В сентябре 1942 года мы получили повестку на эвакуацию. Везли нас с Московского вокзала поездом до Ладоги, затем на катерах переправляли до эшелона и в товарных вагонах с нарами и печкой везли нас до места.

Наше место назначения было – Алтайский край, Острож-Туринский район, с. Майма. Там жили год, затем жили в Чистополе на Каме, потом я ушел в армию.

Булина Ирина Георгиевна
Эвакуация по сути была из блокады в блокаду

Мне 8 лет было, когда война началась. Я тогда жила в Колпино с родителями и бабушкой с дедушкой. Дедушка работал на Ижорском заводе – и в воскресенье рабочие предприятия на пикник выбрались на Усть-Ижору. Рано утром мы на автобусе поехали, все было прекрасно. Лето было жаркое и для Ленинграда с его дождливой погодой не очень характерное. В Усть-Ижоре – разливы такие большие, камыши. Мне подарили заводной катер, и я с ним играла в тот день.

Вдруг по громкоговорителям сообщают – всем собраться к автобусам, мы уезжаем. Никто не понимал – ведь было всего лишь 12 часов дня. Когда уже подъезжали к Колпино – смотрим, там возле громкоговорителя стоит народ: сообщают, что началась война.

Отец и дедушка работали в танковой промышленности (бабушка и мама были учительницами). И они сказали, что это ненадолго, что танков и самолетов у нас гораздо больше, нечего паниковать. Мы поняли, что стоит паниковать, только когда начали заводы эвакуировать. Дед мой работал главным инженером по боевому производству на Ижорском заводе. Он автор брони для первых советских танков «Клим Ворошилов». И он остался на заводе, хотя часть людей уехала в Челябинск. А отец работал тоже на военном заводе – но уже в самом Ленинграде при Адмиралтействе. Он просто перестал приезжать домой – так как завод был на казарменном положении. А мы сидели в окопе.

В Колпино уже невозможно было жить, когда началась зима. Мы сперва пришли пешком в Обухово, а оттуда уже ходили поезда в Ленинград. Эвакуация по сути была из блокады в блокаду, но в Колпино было лишь два километра до линии фронта: обстрел завода шел прямой наводкой. Мы перебрались в Ленинград – родственники уехали в эвакуацию, и мы въехали в их квартиры.

Меня записали в школу, и вместе со школой меня должны были эвакуировать. Привели на медосмотр за три дня до отъезда – это был последний эшелон с детьми, который уходил из Ленинграда. А у меня как раз начался коклюш, и врач сказал, что я могу заразить весь эшелон. И я осталась дома, а этот эшелон разбили под Лугой.

Мы остались на Петроградской стороне, на Кировском проспекте. Там мы на пятом этаже и жили. Сначала все было нормально. Столовые коммерческие работали, продукты были. Не было ощущения, что нас ждет голод. Поняли, что все плохо, только когда сократили продуктовые нормы, после того как сгорели Бадаевские склады. Хотя и говорят, что в тот момент там продуктов было всего на 17 дней.

За водой мы ходили на реку. На весь день мы набирали ведерко воды плюс я – бидончик. Топили снег. За хлебом надо было вставать в очередь очень рано. Находили поводы для веселья – бегали со взрослыми на крыши тушить зажигательные бомбы. Нас оттуда выгоняли, правда – ведь толку от нас было мало. Надо было ухватить щипцами зажигалку и бросить ее в ведро с песком. Я вот, когда в прифронтовой полосе сидела в окопе, – одну зажигалку собственноручно потушила. Но это для нас всё была игра – как и то, что дети собирали осколки от немецких снарядов и хвастались ими.

У нас в доме поселилась семья: отец на фронте, две четырехлетние девочки-близнецы и мальчишка 13-летний – он в ремесленном училище учился. Мать работала на хлебозаводе. Она оставляла девочек дома, а я приходила к ним читать книжки – читать я уже умела, а в школу ходить перестала. Сначала они ходили, потом просто лежали. Затем одна из них перестала открывать глаза, но еще продолжала дышать. А их брат – Женька – приносил им каждый день с другого конца города в авоське баланду и кусочек хлеба – ему их выдавали как рабочему. Мама

девочек говорила: «Женька, зачем ты им носишь – они все равно умрут». Она сама ничего не могла своим дочкам с хлебозавода принести – ее бы расстреляли.

Потом умерла одна из двух девочек. Мама завернула ее и положила на широкий подоконник. Сказала, что когда умрет вторая – то уже одним махом всех отнесут вместе. Отец мой был крупным инженером, и эта женщина его попросила отнести тело своей дочери на сборный пункт. И у отца слезы текли, когда выполнял ее просьбу. Их в итоге на Пискаревском кладбище похоронили.

А потом как-то раз объявили, что будет выдача крупы, и моя мама с этой женщиной, которую звали Лида, пошли получать. **Спускались по лестнице, и вдруг раздался страшный крик на весь подъезд: они споткнулись о тело старшего сына этой женщины – Женьки. Он лежал на лестнице, сжимая авоську с баландой, – не дошел лишь три этажа до квартиры. Кричала его мать Лида, которая похоронила только что двух девочек, а еще раньше – старшего сына, погибшего на фронте. Она, работая на хлебозаводе, не могла принести даже кусочек хлеба своим умирающим детям.** Продавцы не могли даже крошки забрать – каждый довесочек был на счету.

Умирали люди прямо на ходу. Вез саночки – и упал. Появилось отупение, присутствие смерти рядом ощущалось. Я ночью просыпалась и щупала – живая мама или нет. Спали в одежде – во всем, что у нас было, и топили буржуйку. Нам еще повезло, что папа работал на заводе, где строили цех – и там были заборы и леса. Их разобрали и раздавали работникам завода. Мы с мамой ходили с саночками за досками. А без буржуйки было ужасно холодно.

Потом снаряд попал в соседний дом, и вышибло окна. Мы закрыли окно фанерным листом, но все равно дуло сильно. Выходили на улицу редко. Выйти на улицу – означало, что потом придется подниматься на пятый этаж.

Мама и папа однажды поехали хоронить маминого брата – и не успели вернуться до комендантского часа. Я осталась с бабушкой и дедушкой. Деда парализовало, бабушка сидела и плакала. Пить было нечего. Я пошла с бидончиком снега набрать и забыла варежки. А найти чистый снег было тоже очень трудно. В итоге нашла, руки отморозила, обратно поднимаюсь. Плачу, думала, что родителей уже нет в живых… Они вернулись только через два дня. Мы без них бы умерли сразу.

Потом отец перестал ходить. У него от дистрофии распухли ноги, но он не мог бросить завод, и мама его на саночках возила на работу. Были в городе такие курсы – клали человека в диспансер, кололи ему витамины и давали питание. Вот отца туда положили, но он приносил мне ту баланду, что ему в этом оздоровительном стационаре выдавали.

Вдруг повысили норму хлеба – со 125 до 250 граммов.

Мама ходила, пыталась обменять свои вещи на продукты. Она очень хорошо до войны одевалась, потому что мужчины в семье работали на заводах. Один раз она ушла в каракулевой шубе, а вернулась радостная в телогрейке. Она встретила какую-то свою бывшую соученицу – та ее узнала и сказала: давай мне шубу, а я тебе дам овса и еще кое-что. Любовник этой женщины был фуражир Конной армии Ворошилова. Она нам приносила жмых – спрессованная кожура от семечек – и овес. Мама все свои вещи им в итоге отдала.

1 апреля была последняя дорога по Ладоге – уже четвертого числа ладожская дорога закрылась. В апреле эти люди пришли помочь нам доехать до вокзала. И вдруг эта женщина – вся в маминой одежде – спрашивает у мамы: «Тебе, наверное, неприятно на меня глядеть?» А мама ответила, что готова ей ноги целовать, потому что выжили мы благодаря ей. Так что были в Ленинграде и те, кто наживался на блокаде…

Через Ладогу нас на машине везли. Помню как на ногах у меня стояла швейная машинка – и кто-то кричал: «Уберите эту машинку, кто ее с собой везет?!» А на грудь мне ребенка запеленутого положили. Вся семья в разные машины попала. А все же детское какое-то восприятие было у меня. **Трассирующие пули освещали дорогу, осветительные фонари висели на**

парашютиках, а когда снаряды падали в озеро – поднимались огромные фонтаны. Я смотрела на это всё и твердила: «Прямо как Самсон».

А еще очень остро запомнилось, что, когда нас перевезли на ту сторону – станция Борисова Грива – нам там выдали паек: большую луковицу, кусок хлеба серого. Я вцепилась в луковицу, начала есть, а папа начал отнимать – он очень боялся, что будет заворот кишок. Что у многих и происходило: когда мы ехали в эшелоне до Свердловска 17 дней, то там вообще неописуемо что творилось вдоль путей: кровавый понос был у всех. И все ноги были в нарывах – цинга началась. Но все же нас вывезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.